

**РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

**Сборник научных трудов
Всероссийской
научно-практической конференции для профессорско-
преподавательского состава**

15 июня 2021 года

г. РОСТОВ-НА-ДОНУ

Ростов-на-Дону
2021

УДК 340
ББК 67.71
С56

Редакционная коллегия:

Гаврицкий Александр Васильевич – директор Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, Почётный работник высшего профессионального образования, судья в отставке;

Коблева Мария Мухадиновна – заместитель директора по научной работе, доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

С56 **Современное состояние и перспективы развития судопроизводства России:** Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции для профессорско-преподавательского состава, 15 июня 2021 года, [Электронный ресурс] – Электр. текстовые данные (5,05 Мб) – Ростов-на-Дону, ИП Беспмятнов С.В. – 2021, с 139

ISBN 978-5-6046649-8-8

Сборник поставляется на 1 CD диске

Настоящий сборник составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции для профессорско-преподавательского состава «Современное состояние и перспективы развития судопроизводства России», состоявшейся 15 июня 2021 года в г. Ростов-на-Дону. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы юридической науки и практики.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 340
ББК 67.71

Минимальные системные требования:

Процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; ОЗУ 512 Мб;
5 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA 1280x1024; привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP/7/8/10

Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.

ISBN 978-5-6046649-8-8

9 785604 664988

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Кравченко Н.А.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО ПРАВА
РОССИИ.....7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОСУДИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Лусегенова З.С.

ОБРАЗ ЮРИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....16

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Трифонов С.Г.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....22

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Руденко А.В.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РОДОВАЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ, КАК
СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ В ДЕЛАХ ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ.....29

Евсикова Е.В., Оголь В.Л.

РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О
ВЗЫСКАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ
В ПОРЯДКЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....36

Евсикова Е.В., Тихомаева В.С.

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....41

<i>Трифорова К.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ДЕЛ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И США	46
--	----

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

<i>Паламарчук С.А.</i> ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	58
--	----

<i>Рощевская Е.В.</i> РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЕЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ	64
---	----

<i>Теплая Н.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	69
---	----

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АВТОРИТЕТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

<i>Кравцова Е.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АВТОРИТЕТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	76
---	----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

<i>Бочарова Н.Н.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ МИРОВЫХ СУДОВ)	83
--	----

<i>Донская О.Г., Москалева Е.Н.</i> ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	88
---	----

<i>Донская О.Г.</i> К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ	95
--	----

Защляпин Л.А.

МЕЖОТРАСЛЕВое (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ) СООТНОШЕНИЕ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ В ДОПРОСАХ..... 100

Коблева М.М.

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ УГОЛОВНОМУ
НАКАЗАНИЮ МЕР В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ..... 106

Фоменко И.В.

АМНИСТИЯ В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 110

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА

Лаврищева О.М.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КАНДИДАТА НА ДОЛЖНОСТЬ
ФЕДЕРАЛЬНОГО И МИРОВОГО СУДЬИ В РОССИИ..... 116

Масликов И.С.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
ВЛАСТЕЙ..... 121

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Кожухова Г.С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА «ДОМАШНИХ
РАБОТНИКОВ»..... 128

Пасикова Т.А.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕСС ТРЕТЬЕГО ЛИЦА,
НЕ ЗАЯВЛЯЮЩЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ,
КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ..... 133

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА**

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ

*Кравченко Наталья Александровна,
доцент кафедры административного и финансового права
Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП», к.э.н.
г. Симферополь, Россия*

***Аннотация:** В статье рассматривается соотношение научной и судебной доктрины в системе налогового права России. Выявлено, что как научная, так и судебная доктрины в налоговом праве отображают совокупность положений, на основании которых формируется содержание налогово-правовых норм. При этом эти доктрины сами по себе не являются источником права, однако закладывают фундамент для определения содержания норм, и способствуют заполнению пробелов и преодолению коллизий в сфере налогового регулирования.*

***Ключевые слова:** судебная доктрина, налоговое право, источники права, судебное решение, судебный прецедент, нормотворчество.*

THE ROLE OF JUDICIAL DOCTRINE IN THE RUSSIA TAX LAW SYSTEM

Kravchenko Natalia Aleksandrovna

***Abstract:** The article examines the relationship between scientific and judicial doctrine in the system of tax law in Russia. It was revealed that both scientific and judicial doctrines in tax law reflect a set of provisions on the basis of which the content of tax and legal norms is formed. At the same time, these doctrines in themselves are not a source of law, but they lay the foundation for determining the content of norms, and help to fill gaps and overcome conflicts in the field of tax regulation.*

***Key words:** judicial doctrine, tax law, sources of law, court decision, judicial precedent, rule-making.*

Правовая доктрина является общим понятием по отношению к ее отраслевым составляющим. Именно она является тем ядром, вокруг которого формируются доктрины отраслевых законодательных наук. Целью разработки любой доктрины является создание профессиональных позиций и представление их сообществу в соответствующей материальной форме (статьях, монографиях, учебниках и тому подобное) для ознакомления с предложениями по упорядочению общественных отношений.

Доктрина налогового права является неотделимой частью правовой доктрины. Без нее общеправовая доктрина не может существовать в полном объеме, поскольку отсутствие сформированного механизма предопределяет неполноценность последнего и, как следствие, его неэффективность. В пределах доктрины налогового права следует выделять научную и судебную доктрины. Первая отображает совокупность научного потенциала налогового права и динамику развития профессиональных взглядов на все разнообразие налогово-правовых явлений, которые существуют в обществе, которые должны корреспондировать с временными изменениями, которые следует имплементировать государству для надлежащего правового регулирования налоговых отношений. Относительно судебной доктрины – то она способствует формированию содержания налогово-правовых норм, которое происходит посредством профессиональной деятельности судебной ветви власти во время осуществления правосудия и объективации профессиональных мнений судей в соответствующих судебных решениях [10].

Когда речь идет о судебной доктрине, сразу возникает вопрос, а не будет ли выделение отмеченной доктрины простой заменой таких понятий, как правовая позиция Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), судебный прецедент, квазипрецедент, судебное нормотворчество? Может ли судебная доктрина наряду с научной доктриной иметь характер неотделимой части доктрины налогового права?

В первую очередь целесообразно привести определение «доктрины налогового права», предложенное профессором Р.А. Шепенко, который под этим понятием имеет в виду «совокупность положений, на основании которых формируется содержание налогово-правовых норм, основания объединения их, выяснения наиболее рациональных и эффективных направлений и средств влияния на поведение субъектов» [11]. Как научная, так и судебная доктрины в налоговом праве отображают совокупность положений, на основании которых формируется содержание налогово-правовых норм. Они сами по себе не являются источником права, однако закладывают фундамент для определения содержания норм, направленный на заполнение пробелов и преодоление коллизий в сфере налогового регулирования. Их целью является выделение рациональных и эффективных направлений и средств влияния на поведение субъектов налоговых правоотношений.

Отличительные черты рассматриваемых доктрин связаны с субъектным составом и предметом профессионального исследования.

Субъектами научной доктрины в доктрине налогового права является юридическое сообщество, представители которого в своих научных трудах исследуют и разрешают налогово-правовые проблемы. В то время, как субъектами судебной доктрины в доктрине налогового права являются лица со специальным правовым статусом – судьи.

Научная и судебная доктрины различаются также по предмету профессионального исследования, т.к. в процессе деятельности в пределах первой – субъект обычно свободен в избрании проблематики своего научного поиска, тогда как во второй – субъект ограничен фактическими обстоятельствами конкретного дела и соответствующей нормативной базой. Следовательно, научная и судебная доктрины занимают самостоятельные места в доктрине налогового права.

Возможно ли полностью заменить «судебной доктриной» понятия: правовая позиция ВС РФ, судебный прецедент, квазипрецедент, судебное нормотворчество? Относительно правовой позиции ВС РФ нужно отметить следующее: ст. 126 Конституции РФ [2] определяет высшую юрисдикционную позицию ВС РФ в части рассмотрения гражданских, уголовных, административных дел, разрешения экономических споров, разработки разъяснений по вопросам применения судебной практики. на основе ее изучения и обобщения (ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации») [3]. При этом ведущую роль играет Пленум ВС РФ, который рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»). Президиум ВС РФ рассматривает отдельные вопросы судебной практики (ст. 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

Кроме того, в соответствии со ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК) в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума ВС РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного суда (далее – ВАС РФ) вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума ВС РФ и сохранившие силу постановления Президиума ВАС РФ [4].

Но вместе с тем, следует привести замечание Конституционного Суда РФ, указанное в Постановлении от 17.10.2017 № 24-П, «не изменяет

свойств судебных актов, вынесенных судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, и факт их включения в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, поскольку при решении вопроса о включении в обзор того или иного судебного акта, вынесенного судебной коллегией ВС РФ, рассмотрение самого дела в процедуре, предусмотренной процессуальным законом, не происходит» [6]. Речь идет не об исключении обзоров ВС из перечня доктринальных источников права, а конкретизации практикообразующей роли обзоров ВС, исключая при этом факт единичного применения обзора, как основания для пересмотра дела по новым обстоятельствам

Приведенное выше свидетельствует о том, что правовая позиция ВС РФ, выраженная в постановлении его Пленума о применении определенной нормы права, и судебная доктрина не являются тождественными понятиями, однако в некоторых случаях могут совпадать. Однако подобные ситуации скорее являются исключениями из общей практики, чем правилом судебного правоприменения, поскольку доктринальные нормы скорее соответствуют «духу закона, нежели его букве» [8]. Из этого следует, что правовая позиция ВС РФ по налоговым вопросам отображается в каждом его решении, в отличие от судебной доктрины, которая встречается в постановлениях Пленума ВС РФ не всегда.

Касательно судебного прецедента следует принять во внимание мнение М.Н. Марченко, которая к основным признакам судебного прецедента относит то, что он является печатным источником, который подлежит обнародованию в бюллетенях или других официальных изданиях [9]. Несмотря на то, что в России судебный прецедент официально не признается источником права, в разрешении налоговых споров он играет важное значение. Важно понимать, что судебная доктрина как составляющая доктрины налогового права, не является источником права. Да, она будет объективироваться в судебном решении, но, как неотделимая его часть. Сама по себе судебная доктрина обнародованию в официальных изданиях не подлежит [11].

С момента присоединения Российской Федерации к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 постановления Европейского Суда, принятые в отношении Российской Федерации, стали обязательными для всех органов государственной власти, включая суды общей юрисдикции [1]. Однако, при этом Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции

Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», гласит «Не всякое нарушение, выявленное Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), - основание для пересмотра решения российского суда» [5]. В этом примере также видно соотношение доктринальных норм, издаваемых ЕСПЧ, и законных решений российских судов, которые могут обеспечить более высокий уровень защиты прав человека и будут иметь высшую юридическую силу. Другими словами, полноценное использование потенциала судебной практики ЕСПЧ не столько требует механической ссылки на соответствующие решения, сколько побуждает к глубокой имплементации сути решений в правовую жизнь

Что касается квазипреcedентов, некоторые ученые наряду с судебным прецедентом выделяют квазипреcedент, под которым понимают акт нормотворчества в виде судебного решения, единственной целью которого является отмена незаконного нормативно-правового акта или предоставление официального толкования [8]. Раскрывая этот правовой феномен Н.С. Бондарь отмечает, что отраслевое законодательство проходит своего рода «рихтовку», когда в его отношении принимается решение Конституционного суда РФ (далее – КС РФ), т.е. создается квазипреcedентов (решение КС РФ о признании неконституционными части нормативно-правового акта; решение судов общей юрисдикции об отмене нормативно-правовых актов на основании их несоответствия законодательству) [7].

Следует ли выделять квазипреcedенты в отдельный источник налоговой судебной доктрины – вопрос дискуссионный, но ключевым следует считать тот факт, что судебная доктрина - не является просто актом правотворчества в виде судебного решения, поскольку это раскрывает исключительно ее формальный аспект. Стержнем судебной доктрины является содержание судебного решения, есть те позиции и аргументации, которые отображаются в его мотивировочной части и непосредственно влияют на резолютивную часть [11].

Относительно судебного правотворчества. Одни представители научного сообщества считают, что судебное правотворчество находит свое отражение в судебных прецедентах и судебной практике [7,8], другие вместо судебной практики указывают на квазипреcedент [9,10]. Невзирая на многочисленную совокупность научных подходов, важным с точки зрения соотношения судебного правотворчества и судебной доктрины является то, что в любом случае отождествление судебной доктрины с какой-либо формой выражения судебного правотворчества является

ошибочным, поскольку ту или другую позицию суда следует относить к судебной доктрине только тогда, когда формальный(судебное решение соответствующего суда в определенном составе) и содержательный (например, превалирование во время мотивирования позиции и результаты разбирательства дела принципа справедливости над законностью с надлежащим обоснованием) аспекты логично сочетают. Отсутствие содержательного аспекта нивелирует возможность отнесения соответствующей позиции к судебной доктрине.

Приведенное свидетельствует, что судебная доктрина не заменяет рассмотренных выше понятий и является самостоятельной правовой категорией. Отдельное внимание стоит уделить признакам судебной доктрины в доктрине налогового права. К общим признакам судебной доктрины в доктрине налогового права можно отнести [10]:

- концептуальность (судебная доктрина формируется через призму анализа налогового законодательства с помощью использования конституционных положений и предписаний отраслевого налогового акта);

- общепризнанность (судебная доктрина, отображенная в соответствующем судебном решении, является обязательной его частью, поэтому решение, в котором сформированная или примененная доктрина, является общепризнанным);

- комплексность (согласованное влияние финансово-правовых институтов на регулирование налоговых правоотношений);

- завершенность (сущностную завершенность формирования судебного подхода к соответствующим налоговым явлениям и предопределяет стадию практического приложения, изложенного в судебном решении. В некоторых случаях судебная доктрина является той движущей силой, способной запустить законотворческий процесс, если правовые отношения в сфере налоговой будут нуждаться нормативного обновления);

- научная обоснованность (хоть научная и судебная доктрины являются составляющими доктрины налогового права, однако во многих случаях последняя основывается именно на базе первой. Это связано с деятельностью при ВС РФ и КС РФ научно-консультативных советов, к которым судьи могут обращаться во время рассмотрения судебных дел. В состав таких советов входят высококвалифицированные специалисты в сфере права, в том числе и представители налогово-правовой науки, результатом деятельности которых в научно-консультативных советах является предоставление научного вывода по вопросам, которые касаются применения налоговых норм).

К специальным признакам судебной доктрины в доктрине налогового права можно отнести: особенный субъектный состав участников создания судебной доктрины; обусловленность деятельностью специфических субъектов в отрасли налогового права; особый предмет исследования, который характеризуется фактическими обстоятельствами конкретного дела и соответствующей нормативной базой.

Следовательно, руководствуясь вышеизложенным, под судебной доктриной в доктрине налогового права следует понимать неотделимую составляющую доктрины налогового права, которая представляет собой совокупность положений, на основании которых формируется содержание налогово-правовых норм, совокупность их объединения, выявление наиболее рациональных и эффективных направлений и средств влияния на поведение субъектов налоговых правоотношений, а также характеризуется фактическими обстоятельствами конкретного дела и соответствующей нормативной базой.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 5) (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (ред. от 13.05.2004, с изм. от 02.10.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – N 20. – Ст. 2143.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // «Собрание законодательства РФ». – 2014. – N 6. – ст. 550.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – ст. 3012.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – N 8. – 2013.

6. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2018 год. – Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.ksrf.ru/> по состоянию на 21.03.2019. – Документ опубликован не был.

7. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М., 2011. – С. 99–100.

8. Гук, П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики / П.А. Гук // Lex Russia. – 7(116). – 2016. – С. 14-26.

9. Марченко, М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 96–107.

10. Романова, Е.В. Судебная доктрина в системе источников налогового права США ; 12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Романова Екатерина Викторовна. – Москва, 2012. – 32 с.

11. Шепенко, Р.А. Доктрина как источник налогового права / Р.А. Шепенко // *Налоги и финансы*. – 2018. – №1 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-kak-istochnik-nalogovogo-prava> (дата обращения: 10.06.2021).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОСУДИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ**

ОБРАЗ ЮРИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Лусегенова Зинаида Сергеевна

профессор кафедры гражданского процессуального права

Ростовского филиала ФГОУ ВО «РГУП»

кандидат юридических наук, судья в отставке,

почетный работник судебной системы

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: *в статье описаны исторические этапы развития государственной политики в сфере образования. Проведен анализ трансформации современного юридического образования и раскрыты основные ориентиры формирующейся модели (подготовки) специалистов в области права и судебной деятельности*

Ключевые слова: *государственная политика в образовании; история российского высшего образования; классическое и реальное образование; автономия вузов; профессиональный стандарт «Юрист».*

IMAGE OF A LAWYER IN MODERN RUSSIAN LEGAL EDUCATION

Lusegenova Zinaida Sergeevna

Abstract: *The article describes the historical stages in the development of state policy in the field of education. The analysis of the transformation of modern legal education is carried out and the main guidelines of the emerging model (training) of specialists in the field of law and judicial activity are revealed.*

Key words: *state policy in education; history of Russian higher education; classical and real education; autonomy of universities; professional standard "Lawyer".*

Вопрос не в том, как учить, а в том, что мы хотим получить в результате обучения. В России исторически сложилось, что государственная политика в сфере образования связана с прежде всего с экономическими потребностями страны, с социальными запросами общества, но зависит она от дискреции законодателя и интересов финансового капитала. В дореволюционной России реформа образования явилась результатом жарких дискуссий между умеренно-либеральными и консервативно настроенными государственными и общественными деятелями [1]. Если консерваторы во второй половине XIX века стояли на позиции классической системы образования, где человека готовили не к

профессии, а к тому, чтобы быть представителем высших классов, то умеренные либералы отстаивали реальную систему образования, где учащиеся получали в основном технические знания прикладного характера для дальнейшей деятельности в различных отраслях промышленности и торговли. В основе деления системы образования на классическое и реальное заключается следующая идея: если человек проходит классическую гимназию, классический университет, то он становится носителем некоего образа научной, культурной и социальной элиты. Это подтверждение статуса элиты, или доступ в элиты. Выпускники реальных учебных заведений (ремесленных, промышленных, профессиональных училищ), являясь выходцами из социальных низов, из разночинской и малообразованной среды, становятся квалифицированными работниками, однако им закрыт доступ в Университеты и соответственно в высшие круги общества.

В советское время царская система образования была отменена и создана своя уникальная система, в которой достижения российской классической системы обучения соединились с политехническим и трудовым обучением. Образование рассматривалось как главный государственный приоритет, в основе лежала идея доступного и непрерывного образования, воспитания гармонично развитой личности посредством единения гуманизма с социотехнической деятельностью, идея формирования универсального типа мировоззрения на базе приобретения фундаментальных знаний и профессиональной квалификации [2]. На место советской идеологии в постсоветский период пришла либеральная идеология, на основе которой, стала разрушаться сложившаяся система образования и сформировалась система, в которой образование рассматривается как услуга, доступность которой зависит от уровня платежеспособности человека [2].

Указом Президента СССР о статусе высших учебных заведений от 12 октября 1990 года № УП-868, вузам было предоставлено право получать статус самоуправляемых (автономных) организаций, действующих на основе собственных уставов, и вовлеченных в разработку и реализацию образовательной политики [3]. Авторы статьи о флагманских вузах выделяют три этапа в истории российского высшего образования: 1) в условиях прямого администрирования со стороны государства (СССР); 2) в условиях автономии вузов и резкого сокращения государственного вмешательства (1990-е годы); 3) в условиях вмешательства государства для создания новой структуры образовательной сети (2000-е годы), когда были созданы два типа

флагманских вузов – многопрофильные университеты и инфраструктурные вузы. История формирования модели автономии вузов вписала еще один этап – 2021 год, год принятия Федерального закона от 26.05.2021 № 144-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В пояснительной записке к проекту названного закона указано на новый подход к формированию требований федеральных государственных стандартов профессионального образования к результатам освоения основных образовательных программ, на основе соответствующих профессиональных стандартов. Профессиональные стандарты описывают требования к квалификации, необходимой для выполнения конкретного вида профессиональной деятельности, в то время как ФГОС профессионального образования, по мнению разработчиков закона, устанавливает только несколько типов задач профессиональной деятельности. Такое положение не соответствует потребностям динамичности рынка труда, и привело к созданию модели высшего образования, при которой основные образовательные программы в части профессиональных компетенций разрабатываются организациями, осуществляющими образовательную деятельность на основе выбора профессиональных стандартов, соответствующим видам профессиональной деятельности выпускников.

Без понимания мира, в котором мы живем и того, к которому стремимся невозможно обеспечить нормальную образовательную среду в целом, но особенно в области подготовки профессионалов права. В эпоху цифровых технологий компьютерная грамотность и навыки работы в интернет пространстве стали приоритетными в образовательном процессе. В условиях пандемии преимущества получила дистанционная форма образования.

Для анализа трансформации современного юридического образования и конструирования моделей формирования (подготовки) специалистов в области права и судебной деятельности (учитывая специализацию Российского Государственного Университета Правосудия), имеют принципиальное значение цели, достижение которых провозглашается на государственном уровне и запросы, предъявляемые обществом к уровню подготовки выпускников [4], а также интересы работодателей в уровне подготовки кадров. Категория цель означает то к чему стремятся, намерение которое должно осуществить, предназначение, которое имеет значение для эффективного развития системы и ее отдельных элементов. Цель является ориентиром на перспективу, определяет многовекторный спектр деятельности [5]. Цель определяет

задачи, которые ее конкретизируют, обеспечивая поэтапное движение к ней. Государство ответственно за реализацию и достижение публичных целей, выдвигаемых гражданским обществом и самим государством. Цели государства должны быть направлены на удовлетворение индивидуальных, национальных и общечеловеческих солидарных интересов. В современных условиях способы достижения целей реализуются через систему управления. Безусловно, в развитом государстве целью государственного управления образованием должна быть его доступность, а содержание образования, преподаваемые предметы должны быть ориентированы на возможность реализации выпускниками полученных знаний, подготовку востребованных юридических кадров.

Что представляет собой хорошее юридическое образование? Идеи Вебера о выделении особой профессиональной группы юристов для рационализации общественной жизни, эффективного управления обществом, посредством формализованных норм права, предопределили такое направление социологических исследований, как изучение юридической профессии [6]. Жаркие дискуссии о профессии юриста разгорелись при общественном обсуждении проекта профстандарта «Юрист», подготовленного Министерством труда и социальной защиты РФ 27.03.2020г. и размещенного для обсуждения на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Содержание проекта профессионального стандарта «Юрист» разработано на основе электронной обработки формулировок требований работодателей к работникам, в размещенных на сайтах объявлениях о работе, обработки должностных инструкций юриста, утвержденных в крупных компаниях. По мнению разработчиков, подготовленный проект стандарта нацеливает юридическое образование на обучение тому, что реально востребовано практикой, работодателями. В проекте профстандарта отдельно выделена квалификация «Оказание квалифицированной юридической помощи в ходе ведения дел в суде», получившая в СМИ смысловое название «судебный юрист». Спорными остаются вопросы о содержании экзамена для юрисконсультов и судебных юристов, а также требования к уровню образования (высшее профильное, или высшее непрофильное образование, бакалавриат, или среднее профессиональное образование при наличии стажа в юридической деятельности, магистратура, или специалитет [7].

В современных условиях для юридического образования особенно важно сохранить ту исторически сложившуюся в России систему классического образования, ориентированную на воспитание у

выпускников человеческое достоинство, человеческого, а не механического юриста.

Список использованных источников:

1. Воронин В.Е. *Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: Обсуждение «Учебной реформы» Д.А. Толстого в Государственном Совете (1871-1872г.г.)*//Вестник РУДН, сер. История России, 2010, №2, С. 106-118
 2. Абдулаева Э.С. *Эффективность образовательной системы в СССР.*//COLLOQUIM-JOURNAL 24 (48)> 2019 /PEDAGOGICAL SCIENCES, С. 89-91
 3. Лешуков О.В., Фрумин И.Д. *Флагманские Университеты: от советского опыта к поиску новой модели.*// Университетское управление: практика и анализ, 2017, Том 21, №4, С. 22-28
 4. Дровалева Л.С., Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л. *Образовательная политика: понятие, сущность, разработка.*// Современное педагогическое образование, 2021 [СПО], №3, С. 49-54
 5. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. *Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: Монография.* – М.: РГУП, 2016, с.75
 6. Волков В.В. *Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза.*//Социология права. 2017, №4, С.35
 7. Чудаков Н. *Как мы работали над профстандартом «Юрист».* URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/16/kak_my_rabotali_nad_profstandartom_yurist#comment_575626 (дата обращения 10.06.2021)
-

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ
ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Трифонов Сергей Геннадиевич,

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»

кандидат юридических наук,

г. Симферополь, Россия

***Аннотация:** В современных условиях большую роль призваны играть специальные органы, осуществляющие функции контроля, к числу таковых относится Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, призванный обеспечивать в своей деятельности гарантии государственной защиты прав и свобод граждан. Автор указывает, что в отдельных зарубежных государств развитие института омбудсменов пошло по пути выделения специализированных омбудсменов, которые реализовывали свои полномочия по отдельным направлениям правозащиты.*

***Ключевые слова:** уполномоченный по правам человека, специализированные уполномоченные по правам человека, защиты прав.*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL INSTITUTE OF SPECIALIZED HUMAN RIGHTS COMMISSIONERS: PROBLEMS OF ORGANIZATION AND FUNCTIONING

Trifonov Sergey Gennadievich

***Abstract:** In modern conditions, special bodies that exercise control functions are called upon to play an important role, such as the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, who is called upon to ensure in his activities guarantees of state protection of the rights and freedoms of citizens. The author points out that in some foreign countries, the development of the institution of ombudsmen followed the path of allocating specialized ombudsmen who exercised their powers in certain areas of human rights protection.*

***Key words:** ombudsman for human rights, specialized ombudsmen for human rights, protection of rights.*

Как уже было отмечено в ряде исследований, институт Уполномоченного по правам человека, будучи реализованным как в рамках многих стран мира, так и в российской правовой системе и

правоприменительной практике, безусловно доказал свою эффективность. В ряде зарубежных государств развитие данного института пошло по пути выделения специализированных омбудсменов, которые реализовывали свои полномочия по отдельным направлениям правозащиты. Речь идёт о омбудсменах, которым законодатель делегировал разрешение проблем, связанных с защитой прав детей и молодежи, этнических и языковых меньшинств, лиц с ограниченными возможностями и т.д.

В России институт Уполномоченного по правам человека также пошел по пути учреждения специализированных (отраслевых) омбудсменов. В Российской Федерации уже сформировалась отчётливо видимая практика расширения функциональной специализации уполномоченных по правам человека, в результате чего в ряде сфер государственной и общественной жизни появились специализированные уполномоченные.

В качестве первого специализированного уполномоченного в нашей стране на уровне федерации был выделен Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ, должность которого возникла с принятием Указа Президента РФ от 01.09.2009 г. №986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка» [1]. Относительно недавно – в конце 2018 г., был принят отдельный Федеральный закон [2], регламентирующий особенности правового положения, основные задачи и полномочия Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также основы правового положения уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. В 2013 г. на федеральном уровне, волей законодателя, возник Уполномоченный по защите прав предпринимателей, с принятием соответствующего Федерального закона [3]. Также, аналогично институту Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ и институту Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в субъектах РФ, должность уполномоченного по защите прав предпринимателей была учреждена на уровне субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что расширение спектра направлений, по которым формируется дополнительная правозащитная должность специализированного уполномоченного, продолжается: так в 2018 г. с принятием Федерального закона от 04.06.2018 г. №123-ФЗ [4] возникла фигура Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг; в рамках, определённых федеральным законодателем, на уровне субъектов РФ стали создаваться разнообразные модели региональных специализированных омбудсменов. Тем не менее, несмотря на появление в

нашем государстве специализированных (отраслевых) уполномоченных как на федеральном, так и на региональном уровнях, единого мнения среди ученых и практиков по вопросу необходимости и целесообразности этого института до сих пор не достигнуто. Нет однозначного взгляда на эту проблему и среди самих уполномоченных по правам человека.

Так, по мнению О.О. Миронова, занимавшего должность Уполномоченного по правам человека в РФ в период с 1998 по 2004 гг., «появление в России специализированных (отраслевых) уполномоченных было бы полезным в силу обширности территории страны и наличия большого количества нарушений прав человека» [5, с. 5]. Свою озабоченность по вопросу создания специализированных (отраслевых) уполномоченных выражал и В.П. Лукин, проработавший в должности Уполномоченного по правам человека в РФ с 2004 по 2014 г.

По мнению В.П. Лукина, «существующая практика создания институтов специализированных уполномоченных является типичным примером негативного зарубежного опыта, итогом которого будет снижение авторитета уполномоченных из-за дублирования полномочий соответствующих отделов, созданных в аппарате Уполномоченного по правам человека, а, соответственно, и влияния, и эффективности каждого из них» [6]. Как представляется, существование и последовательное расширение института отраслевых или специализированных уполномоченных по правам человека не может и не должно рассматриваться, как элемент дезорганизации правозащитной деятельности Уполномоченных по правам человека в РФ и субъектах РФ. Расширение спектра должностных лиц, чья деятельность направлена на защиту прав личности – есть благо и не может быть лишним в государстве, которое претендует считаться государством социальным и правовым. Отраслевые (специализированные) уполномоченные не являются в данном отношении лишним элементом, а наоборот дополняют существующую систему правозащитной деятельности.

Как обоснованно отмечается отдельными авторами, «в настоящее время в обществе назрел запрос на введение этого правового института в механизм государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Но при этом включение института специализированных уполномоченных в правозащитную систему Российской Федерации требует серьезного научного осмысления, фактического обоснования и изучения» [7, с. 62]. Полагаем, что введение каждого специализированного уполномоченного в структуре правозащитной деятельности Российской Федерации должно производиться только после всестороннего и объективного анализа,

направленного на установление действительной обоснованности выделения конкретного уполномоченного по соответствующей сфере, поскольку создавать таковых можно до бесконечности, сужая конкретную сферу прав и свобод личности до множества подсфер.

Таким образом, законодателю в данном вопросе следует проявлять сдержанность и вдумчивость, исключая стихийное, малообоснованное выделение фигур новых уполномоченных. В качестве примера обоснованного выделения новой разновидности специализированного Уполномоченного, произведённого совсем недавно – в 2018 г., можно привести создание института Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг.

Из чего же исходили законодатель и эксперты при обсуждении и принятии соответствующего Закона? В первую очередь из того, что потребитель – слабая сторона в отношениях с финансовой организацией и нуждается в особой защите. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в силу того, что деньги – весьма специфический товар, финансовый рынок сложно регулируется и человеку, не работающему профессионально в этой сфере, довольно сложно разобраться в существующих правилах. Обычный потребитель не обладает специальными знаниями и навыками на финансовом рынке, вплоть до того, что может действовать во вред собственным интересам. При этом его действия на финансовом рынке могут иметь для него и его семьи весьма серьезные и длительные последствия. Во-вторых, финансовые услуги предоставляются в основном довольно крупными компаниями. Соответственно, финансовые организации располагают несоизмеримо большими ресурсами – финансами, штатом компетентных юристов и пр. Поэтому для потребителя свобода договора на практике трансформируется в свободу только одного формата – заключить предлагаемый стандартный договор или отказаться от услуги, а в случае возникновения спора с финансовой организацией он слабая сторона. Финансовый рынок весьма чувствителен к доверию потребителей. Здесь доверие потребителя в явном виде конвертируется в экономику, способствуя росту продаж, инвестиций и прибыли. И это уже прямо коррелирует с частными интересами участников отрасли. Поэтому созданный правовой институт является не только инструментом защиты частных интересов конкретного гражданина и не только средством решения социально значимой задачи государства – защиты прав потребителей, но и сложным механизмом, влияющим на баланс публичных и частных интересов в финансовой сфере. Безусловно, каждый гражданин имеет право обратиться в суд за защитой своих

законных прав. Однако в представлении обывателя это сложно, долго, требует специальных компетенций. При этом существенные затраты и привлечение специалистов не гарантируют ожидаемого результата. Институт финансового уполномоченного создавался как ответ на перечисленные вызовы. Он позволяет осуществить урегулирование спора без обращения в суд, сделать это просто, быстро и бесплатно.

Таким образом, высокая социальная значимость перечисленных вопросов обусловила признание защиты прав потребителей в финансовой сфере. Также достаточно обоснованным видится выделение такой разновидности специализированного Уполномоченного, как уполномоченный по защите прав предпринимателей. Компетенция Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей включает в себя: защиту прав и законных интересов предпринимателей – граждан Российской Федерации, иностранных лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации, а также российских предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территориях иностранных государств. Данный институт является связующим элементом, находящимся между предпринимательским сообществом и государственной властью.

В настоящее время Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации приобретает статус такого органа, который способен эффективно разрешать вопросы, находящиеся на границе интересов публичных органов государственной власти и предпринимательского сообщества. Обоснованность его выделения не вызывает сомнений, что связано с широким развитием в стране предпринимательской деятельности, являющейся важнейшей составляющей экономической системы страны, а также стабильности жизнедеятельности общества и государства в условиях мировой экономики.

В настоящее время в науке активно обсуждаются инициативы по назначению уполномоченного по защите прав потребителей, уполномоченного по защите прав инвалидов, уполномоченного по защите прав военнослужащих, уполномоченного по защите прав беженцев. Ещё раз подчеркнём: любое из специализированных направлений должно получить предварительную детальную проработку, как с теоретических, так и с практических позиций, прежде чем лечь в основу законопроекта, направленного на введение нового субъекта – отраслевого уполномоченного, призванного способствовать эффективной защите прав

определённого круга субъектов, или же в защите прав в определённой сфере государственной и общественной жизни.

Следует отметить, что в законодательном регулировании деятельности отраслевых уполномоченных, учитывая региональный аспект, а также их многообразие, нет достаточной системности. Как отмечает Р.Ю. Иванов, «различен уровень нормативных правовых актов, учреждающих должности специализированных уполномоченных, отсутствует четкая правовая и организационная координация между федеральными специализированными уполномоченными и специализированными уполномоченными, действующими на уровне субъектов Российской Федерации» [8, с. 65].

В качестве одного из вариантов решения данной проблемы можно предложить принятие рамочного документа, направленного на регулирование деятельности специализированных уполномоченных, что способствовало бы систематизации в данном направлении и обеспечивало определённое единообразие регулирования, а значит – большую целостность и эффективность.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 01.09.2009 г. №986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // СЗ РФ. 2009. №36. Ст. 4312.
 2. Федеральный закон от 27.12.2018 г. №501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. №53 (часть I). Ст. 8427.
 3. Федеральный закон от 07.05.2013 г. №78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. №19. Ст. 2305
 4. Федеральный закон от 04.06.2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. №24. Ст. 3390.
 5. Ковлер А.И., Миронов О.О. Беседа главного редактора журнала «Государство и право» А.И. Ковлера с Уполномоченным по правам человека Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором О.О. Мироновым // Государство и право. 2000. №2. - С. 5-11.
 6. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2007 году» // Российская газета. 2008. №4612.
 7. Иванов Р.Ю. О необходимости создания института специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека в Российской Федерации // Закон и право. 2019. №2. - С. 61-65.
 8. Иванов Р.Ю. О классификации специализированных (отраслевых) Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации // Закон и право. 2019. №5. - С. 63-67.
-

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РОДОВАЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ, КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

*Руденко Артем Валериевич,
заведующий кафедрой административного
и финансового права
кандидат юридических наук, доцент
Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»
г. Симферополь, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос территориальной доступности производства по делам об административных правонарушениях по отдельным составам административных правонарушений. Предлагается, путем введения альтернативной родовой подведомственности дел, обеспечить расширение доступа лиц, привлекаемых к административной ответственности, к участию в деле об административном правонарушении.

Ключевые слова: принцип, доступность правосудия, родовая подведомственность, альтернативная подведомственность, суд, орган административной юрисдикции

ALTERNATIVE ANCESTRAL JURISDICTION AS A WAY OF INCREASING ACCESSIBILITY IN ADMINISTRATIVE OFFENCES CASES

Rudenko Artem Valerievich

***Abstract:** The article considers the issue of territorial accessibility of proceedings in cases of administrative offenses for certain compositions of administrative offenses. It is proposed, through the introduction of an alternative ancestral jurisdiction of cases, to ensure increased access of persons brought to administrative responsibility to participate in an administrative offense case.*

***Key words:** principle, access to justice, ancestral jurisdiction, alternative jurisdiction, court, administrative jurisdiction*

«Доступность правосудия является реализацией одного из основных прав человека и гражданина – права на защиту своих законных прав и интересов посредством наиболее демократичного и эффективного инструмента такой защиты – правосудия» [1, с. 34]. Как отмечают

исследователи, «принцип доступности правосудия – это обеспеченная законом возможность беспрепятственно обратиться в суд за защитой своих прав и получить судебную защиту» [2]. Расширяя данную позицию, О.В. Брежнев говорит о принципе доступности правосудия как о принципе, который «предполагает создание организационных, институциональных и нормативно-правовых условий, обеспечивающих реальную возможность не только обращения в суд, но и квалифицированного рассмотрения и разрешения соответствующего дела, а также эффективное восстановление нарушенных прав на основе вступившего в законную силу судебного акта» [3, с. 58]. По мнению В.М. Сидоренко, «принцип доступности правосудия в конституционном, гражданском, арбитражном и уголовном процессах является сегодня отражением закрепленных в Конституции Российской Федерации государственно-правовых начал в процессуальном законодательстве» [2].

Данный принцип, как и многие другие принципы, приобретает свое специфическое содержание в каждом из видов процесса. Особое содержание он имеет и в производстве по делам об административных правонарушениях. Это связано, в первую очередь, с широким кругом субъектов административной юрисдикции [4, с. 349] – лиц уполномоченных на рассмотрение дел об административных правонарушениях, что позволяет говорить, не о доступности к правосудию, а о доступе к участию в деле об административном правонарушении.

Как отмечают исследователи, «свободный доступ к правосудию является одной из базовых государственных гарантий, действие которой направлено на реализацию прав и свобод человека и гражданина» [5, с. 35]. Логичным является ее распространение на все производство по делам об административных правонарушениях, а не только на его судебную часть, ведь все производство носит правоограничительный характер и осуществляется на основе единых принципов. Рассмотрение дела об административном правонарушении органом исполнительной власти или его должностным лицом должно отвечать тем же высоким стандартам доступности, что и рассмотрение дела судом. Это не только обеспечит равенство правового статуса участников производства, но и повысит гарантированность реализации процессуальных прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Последнее время в российской и зарубежной научной литературе большое внимание уделяется цифровым технологиям как механизмам повышения доступности правосудия на национальном и международном

уровне [6-9]. Чаще всего речь идет о внедрении электронных технологий в процесс производства по делу: обмен электронными документами, онлайн участие в рассмотрении дела, автоматизация процессуальных действий.

В Российской Федерации данная работа приобрела внушительные размеры: идет разработка нескольких суперсервисов онлайн-правосудия, разрабатываются и внедряются правовые нормы, регулирующие порядок осуществления процессуальных действий и участия в судебном процессе по средствам сети Интернет. Однако вся эта работа не затрагивает производство по делам об административных правонарушениях. Точнее затрагивает только ту его часть, которая осуществляется судебными органами, как часть работы по цифровизации правосудия. Поэтому, в свете отсутствия планов цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, на первом месте встает вопрос обеспечения территориальной доступности органов административной юрисдикции для участников производства по делам об административных правонарушениях.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях не раз обращался к вопросу доступности правосудия, рассматривая ее в том числе с точки зрения территориальной доступности органа, осуществляющего правосудие [10]. Территориальная доступность органа, рассматривающего дело, снижает как организационные, временные, так и финансовые затраты лиц, участвующих в рассмотрении дела, позволяя им более полно представить свою позицию и воспользоваться своими процессуальными правами.

Казалось бы, большое количество субъектов административной юрисдикции позволяет обеспечить очень высокую доступность производства по делам об административных правонарушениях. Однако, стоит вспомнить, что каждый орган административной юрисдикции рассматривает только те дела об административных правонарушениях, право на рассмотрение которых закреплено за ним в законодательстве об административной ответственности. Таким образом, при рассмотрении дел по первой инстанции каждый орган является обособленным, а не частью единой системы.

Так, например, рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 11.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в силу статьи 23.43 возложено на «руководителя уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный контроль (надзор) в области использования воздушного пространства, его

заместителей, руководителей территориальных органов уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный контроль (надзор) в области использования воздушного пространства, их заместителей». Таким образом, на территории Российской Федерации есть всего 9 органов, уполномоченных рассматривать данную категорию дел – Ространснадзор и по одному управлению в каждом федеральном округе. Понятно, что говорить о доступности участия в производстве по таким делам об административных правонарушениях не приходится. Схожая ситуация складывается и в других случаях, когда органом, уполномоченным на рассмотрение дела об административном правонарушении, выступает федеральный орган власти, не имеющий разветвленной системы территориальных представительств.

Фактически получается, что доступ к участию в деле об административном правонарушении лица зависит от того, какое правонарушение он совершил и какой орган в соответствии с КоАП РФ или законом субъекта РФ в праве его рассматривать. Такая ситуация не является верной с точки зрения обеспечения равных возможностей всех участников производства по реализации своих процессуальных прав.

Выход из данной ситуации видится в закреплении в КоАП РФ альтернативной родовой подведомственности дел об административных правонарушениях. Она может быть выражена в праве лица, привлекаемого к административной ответственности, в подаче ходатайства о рассмотрении его дела судом в том случае, если в соответствии с положениями главы 23 КоАП РФ полномочие по рассмотрению этого дела возложено не на судебный орган. Данное ходатайство может быть подано вместе с ходатайством о рассмотрении дела об административном правонарушении по месту жительства лица, привлекаемого к административной ответственности. Такой механизм позволит не только более полно реализовать лицам, желающим занять активную позицию в процессе, свои процессуальные права, но и позволит исключить «формальные» рассмотрения дел несудебными органами в тех случаях, когда лицо, привлекаемое к административной ответственности, изначально не доверяет решению, выносимому несудебным органом, обеспечив процессуальную экономию и снизив общую нагрузку на государственные органы. Как отмечают исследователи, «Судебная защита имеет важное преимущество перед административным порядком обжалования. Суд не связан с интересами конкретного ведомства, рассматривает вопрос гласно и решает его объективно с учетом проверки

всех доводов за и против, с личным участием заинтересованных сторон, в том числе и обратившейся за защитой своих прав» [11, с. 2092], эту логику можно распространить и на рассмотрение дела по существу.

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 год районными судами было рассмотрено свыше 240 000 дел по жалобам на не вступившие в законную силу постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенных государственными внесудебными органами, в то время как постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные мировыми судьями обжаловались всего 106 000 раз. Учитывая общее количество дел об административных правонарушениях, рассмотренных мировыми судьями за 2020 год, можно с высокой долей уверенности говорить о более высокой доверии к решениям, вынесенным мировыми судьями со стороны участников процесса [12].

Предлагаемые изменения не являются уникальными для существующей процедуры привлечения к административной ответственности. Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях уже содержит примеры альтернативной подведомственности.

Так, например, часть 1 статьи 29.5 КоАП РФ содержит указание на то, что «по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица». Таким образом, законодатель закрепил право лица, привлекаемого к административной ответственности, выбирать место рассмотрения дела об административном правонарушении. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, данное право может быть ограничено только в случае «необходимости соблюдения баланса прав всех участников производства по делу об административном правонарушении или защиты публичных интересов» [13]. Во всех остальных случаях данное ходатайство подлежит удовлетворению.

Пункт 3 части 1 статьи 30.1 КоАП РФ предусматривает возможность обжалования постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного должностным лицом как в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу, так и в районный суд по месту рассмотрения дела. В данном случае законодатель установил альтернативную родовую подведомственность при обжаловании дела. Данное право лица на выбор органа, рассматривающего его жалобу на постановление по делу об административном правонарушении, не может

быть ограничено. В случае подачи двух жалоб одновременно, в соответствии с частью 2 статьи 30.1 КоАП РФ дело будет рассмотрено судом, что говорит о приоритетности судебного порядка рассмотрения дел.

При установлении предлагаемого процессуального механизма необходимо закрепить ряд правил его реализации, которые позволят не допустить злоупотребления этим правом и обеспечат баланс интересов участников производства.

1. Лицо вправе подать ходатайство о рассмотрении дела об административном правонарушении судом как на стадии возбуждения дела, так и на стадии рассмотрения, до момента вынесения постановления по делу.

2. С целью обеспечения баланса участников производства по делу об административном правонарушении при рассмотрении данного ходатайства может учитываться мнение и других участников производства.

3. При подаче и удовлетворении данного ходатайства лицо, привлекаемое к административной ответственности, во избежание злоупотребления своими процессуальными правами и затягивания процесса, теряет право на рассмотрение его дела органом или должностным лицом, уполномоченным в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях рассматривать данное дело.

4. Рассматривающий дела суд определяться по правилам статьи 23.1. КоАП РФ, с соблюдением общих правил территориальной подсудности.

5. Пересмотр дела должен идти в порядке, предусмотренном для обжалования решений, вынесенных судами.

Данный механизм позволит лицу, привлекаемому к административной ответственности, занимающему активную позицию в процессе, более полно реализовать свое право на участие в рассмотрении дела. Дополнительно данный механизм поможет снизить нагрузку на внесудебные органы по рассмотрению дел об административных правонарушениях. В тоже время, увеличение судебной нагрузки существенно не возрастет, так как по факту первый пересмотр дела в рамках судебной системы заменится рассмотрением дела по существу.

Список использованных источников:

1. Воронин, С. А. Доступность правосудия как конституционный принцип осуществления судебной деятельности / С. А. Воронин // *Успехи современной науки.* – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 34-38.

2. Сидоренко, В. М. Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе : специальность 12.00.15 "Гражданский процесс; арбитражный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидоренко Василий Михайлович. – Екатеринбург, 2002. – 220 с.
 3. Брежнев О.В. Принцип доступности конституционного правосудия: содержание и гарантии. / О.В. Брежнев // *Актуальные проблемы российского права*. 2018; № 5. – С. 57-64. – <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.057-064>
 4. Административное право: современный терминологический словарь / Е. В. Евсикова, А. В. Пономарев, В. В. Костылев [и др.] ; научный редактор М. И. Никулин ; редактор Е. В. Евсикова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 400 с.
 5. Олимтиев, А. Ю. О некоторых аспектах принципа доступности правосудия в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / А. Ю. Олимтиев, Е. И. Майорова // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2020. – № 2. – С. 34-36. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10065.
 6. Цувіна, Т. А. Онлайн суди та онлайн вирішення спорів у контексті міжнародного стандарту доступності правосуддя: міжнародний досвід / Т. А. Цувіна // *Проблемы законности*. – 2020. – № 149. – С. 62-79. – DOI 10.21564/2414-990x.149.201782.
 7. Брановицкий, К. Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение / К. Л. Брановицкий // *Арбитражный и гражданский процесс*. – 2020. – № 6. – С. 39-44. – DOI 10.18572/1812-383X-2020-6-39-44.
 8. Брайт, Б. Обеспечение доступности правосудия в Германии / Б. Брайт // *Правоприменение*. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 105-113. – DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(4).105-113.
 9. Алексеева Н.В., Ефимова В.В. Доступность правосудия в условиях развития информационного общества в Российской Федерации. // *Российское правосудие*. – 2011. – № 2 (58) – С. 70-73
 10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 125 и части первой ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной» / «Собрание законодательства РФ», 6 августа 2012, N 32, ст. 4618.
 11. Кузбагарова Е. В., Кузбагаров М. Н. К вопросу о принципе доступности при отправлении правосудия // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2014. – Т. 20. – С. 2901–2905.
 12. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» Данные судебной статистики Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации / <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>
 13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" / *Российская газета* от 19 апреля 2005 г. N 80.
-

РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ В ПОРЯДКЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Евсикова Елена Витальевна

*доцент кафедры административного и финансового права –
начальник отдела по организации научной и редакционно-
издательской деятельности, кандидат юридических наук, доцент*

*Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь, Республика Крым, Россия
Helen_yevsikova@mail.ru*

Оголь Владислав Леонидович

*Секретарь судебного заседания
отдела обеспечения судопроизводства
по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым
г. Симферополь, Республика Крым, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и особенности административного судопроизводства и раскрываются характерные черты приказного производства, как порядка рассмотрения административных дел, возникающих из налоговых правоотношений. На основе проведенного анализа автора выносят свои предложения по усовершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова. Административное судопроизводство; приказное производство; административные дела, возникающие из налоговых правоотношений.

CONSIDERATION BY THE COURTS OF ADMINISTRATIVE CASES ON RECOVERY OF MANDATORY PAYMENTS AND SANCTIONS IN THE ORDER OF ORDER PROCEDURE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND WAYS OF THEIR SOLUTION

*Yevsikova Elena Vitalievna,
Ogol Vladislav Leonidovich*

Annotation. The article examines the concept and features of administrative legal proceedings and reveals the characteristic features of the order production, as a procedure for considering administrative cases arising from tax legal relations. Based on the analysis carried out, the authors make their proposals for improving the current legislation in this area.

***Keywords.** Administrative proceedings; order production; administrative cases arising from tax legal relations.*

Конституция РФ закрепила один базовых принципов осуществления судопроизводства на территории Российской Федерации, а именно: осуществление правосудия исключительно судом. При этом, одним из конституционно определенных видов судопроизводства – является административное судопроизводство [1, ч. 1, 2 ст. 118], которое получило свое законодательное закрепление с 08.03.2015 г. в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [2].

Следует отметить, что сегодня вопросы реформирования законодательства, регламентирующего административное судопроизводство продолжают быть и остаются весьма актуальными, что позволяет говорить о необходимости проведения научных исследований проблем, возникающих в ходе осуществления и реализации законодательства, регламентирующего порядок осуществления административного судопроизводства в Российской Федерации, а также поиска путей усовершенствования его правоприменительной практики [3, с. 252].

Однако, полное и всестороннее изучение вопросов, связанных с административным судопроизводством, представляется невозможным без детального анализа действующего законодательства, характеризующего данный вид судопроизводства. В связи с этим, следует обратиться к положениям КАС РФ с тем, чтобы определить, какой смысл вкладывает законодатель в дефиницию «административное судопроизводство».

Исходя из положений ч. 1 ст. 1 КАС РФ, административное судопроизводство – это деятельность судебных органов по рассмотрению и разрешению административных дел, направленная на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

Следует отметить, что особое место при рассмотрении судами дел по правилам административного судопроизводства занимают споры, связанные с взысканием обязательных платежей и санкций. Так, публичная сущность налоговых правоотношений как отношений власти и подчинения предусматривает наличие двух сторон – властной в лице налоговых органов и обязанной в лице налогоплательщиков.

Из системного анализа статей 17.1, 123.1-123.8, 286-290 КАС РФ, регулирующих вопросы рассмотрения административных дел о взыскании

обязательных платежей и санкций, следует, что данная категория споров может рассматриваться в порядке приказного и искового производств.

Нельзя не обратить внимание, что приказное производство в рамках административного судопроизводства – первое и наиболее существенное нововведение, которое было принято после вступления в силу КАС РФ, необходимость внедрения которого была обусловлена, прежде всего, соображениями процессуальной экономии в рамках рассмотрения дел о взыскании обязательных платежей и санкций.

Изучив вышеуказанные положения КАС РФ, следует обозначить основные характеристики приказного производства:

- приказное производство – это вид административного судопроизводства, суть которого заключается в вынесении судьей судебного приказа на основании поданного заявления о выдаче судебного приказа;

- заявления о вынесении судебного приказа рассматриваются мировыми судьями (ст. 17.1 КАС РФ);

- требование о взыскании обязательных платежей и санкций может быть предъявлено в рамках приказного производства тогда, когда оно носит бесспорный характер.

Рассматривая основные характеристики приказного производства в рамках административного судопроизводства, следует особо обратить внимание на бесспорный характер заявленных требований как условия выдачи судебного приказа о взыскании обязательных платежей и санкций. Теоретическое исследование не может в полной мере отражать содержание, отличительные признаки и особенности рассматриваемого понятия. В связи с чем, важное значение приобретает анализ правоприменительной практики по данному вопросу.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 30.01.2020 № 20-О в каждом конкретном деле наличие признаков спора о праве устанавливается судьей, рассматривающим заявление о выдаче судебного приказа, который может отказать в принятии соответствующего заявления при наличии сомнений в бесспорности заявленных требований.

В силу статей 123.1-123.8 КАС РФ, алгоритм подачи и рассмотрения заявления о выдаче судебного приказа о взыскании обязательных платежей и санкций сводится к следующему:

- взыскатель обращается к мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа;

- в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 123.4 КАС РФ, суд возвращает

заявление о выдаче судебного приказа, однако, это не является препятствием для повторного обращения в суд после устранения выявленных нарушений с заявлением к тому же должнику, с тем же требованием и по тем же основаниям;

– в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 123.4 КАС РФ, суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа, что является препятствием для повторного обращения в суд с заявлением к тому же должнику, с тем же требованием и по тем же основаниям;

– в случае соответствия заявления о выдаче судебного приказа требованиям, предусмотренным ст. 123.3 КАС РФ, мировой судья в течение 5-ти дней со дня поступления заявления выносит судебный приказ без проведения судебного разбирательства и судебного заседания по результатам исследования судьей представленных доказательств (ч. 1, 2 ст. 123.5 КАС РФ); копия судебного приказа в течение 3-х дней со дня вынесения судебного приказа направляется должнику, который в течение 20-ти дней со дня ее направления вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа (ч. 3 ст. 123.5 КАС РФ);

– в случае отсутствия возражений со стороны должника относительно исполнения, судебный приказ подлежит исполнению.

Безусловно, приказное производство – действенный механизм, позволяющий органам, наделенным публичными властными полномочиями, активно реализовывать задачу по взысканию обязательных платежей и санкций с должников. Вместе с этим, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем при обращении в суд с заявлением о выдаче судебного приказа.

Один из вопросов сводится к перечню документов, которые в обязательном порядке прилагаются к заявлению о выдаче судебного приказа, в частности, речь идет о документе, подтверждающем оплату государственной пошлины.

Из главы 11 КАС РФ следует, что сторонами в приказном производстве являются взыскатель и должник.

«От уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и законодательством об административном судопроизводстве, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, в качестве истцов

(административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков)» (п. 19 ч. 1 ст. 333.36 КАС РФ).

По смыслу данной нормы орган, наделенный публичными властными полномочиями, освобождается при обращении к мировому судье с требованием о вынесении судебного приказа о взыскании обязательных платежей и санкций.

В связи с этим, целесообразно внести изменения в КАС РФ в части исключения из него ч. 5 стю 123.3, поскольку, исходя из правоприменительной практики, не усматривается случаев, когда данная норма применялась бы к лицам, обращающимся к мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании обязательных платежей и санкций.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать, что приказное производство – важный институт административного судопроизводства, позволяющий, с одной стороны, обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, с другой – обеспечить исполнение конституционной обязанности по оплате обязательных платежей и санкций, установленных действующим законодательством.

Список использованных источников:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.

3. Евсикова Е.В., Оголь В.Л. Некоторые аспекты представительства интересов сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в рамках административного судопроизводства / Евсикова Е.В., Оголь В.Л. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 252-267.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 N 20-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Македонского Дмитрия Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 95, пунктом 3 части 3 статьи 123.4 и частью 2 статьи 286 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации".

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евсикова Елена Витальевна

*доцент кафедры административного и финансового права –
начальник отдела по организации научной и редакционно-
издательской деятельности, кандидат юридических наук, доцент*

*Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь, Республика Крым, Россия*

Helen_yevsikova@mail.ru

Тихомаева Вера Сергеевна,

*Специалист по обработке научной информации
Отдела по организации научной и редакционно-
издательской деятельности*

*Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь, Республика Крым, Россия*

Аннотация. В статье раскрывается понятие и виды домашнего насилия, а также механизм противодействия домашнему насилию как одного из приоритетных направлений административной и уголовно-правовой политики, проводимой в Российской Федерации. Авторы проводят анализ действующего кодифицированного законодательства и выносят свои предложения по его усовершенствованию в рамках противодействия домашнему насилию.

Ключевые слова: домашнее насилие, побои; противодействие домашнему насилию; кодифицированное законодательство.

SOME MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF LEGISLATION IN THE FIELD OF COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yevsikova Elena Vitalievna,

Tikhomaeva Vera Sergeevna,

Annotation. The article reveals the concept and types of domestic violence, as well as the mechanism of countering domestic violence as one of the priority directions of the administrative and criminal law policy pursued in the Russian Federation. The authors analyze the current codified legislation and

make their proposals for its improvement in the framework of countering domestic violence.

Key words: *domestic violence, beatings; countering domestic violence; codified legislation.*

Домашнее насилие – серьезная международная проблема, которая охватывает разные страны мира и разные слои общества [1], а также привлекает все больше и больше внимания как со стороны правоприменителей, так со стороны широкой общественности, и обычных граждан.

Домашнее насилие можно определить, как физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие, принуждение, которое происходит внутри семьи, т.е. между мужем и женой, родителями и детьми, сожителями, и.т.д.

Изучение законодательства Российской Федерации показывает, что принят целый ряд правовых актов в области защиты семьи, детей и женщин, однако на практике данные правовые акты никак не защищают лиц, страдающих от актов домашнего насилия.

Так, с 2014 года действует Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Основными целями Концепции являются укрепление и поддержка семьи, защита и укрепление семейных ценностей, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, обеспечение и защита прав членов семьи, а также повышение качества жизни семей [2].

Отметим, что существует проект Федерального закона Российской Федерации «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее – Проект) [3], который в 2019 году Совет Федерации России опубликовал на своем официальном сайте. Уже долгое время активно обсуждается вопрос принятия и введения в действие такого закона, как общественностью, так и законодателями, а также учеными и юристами-практиками. Однако на сегодняшний день данный Проект лишь остается поводом для обсуждения и появлению новых разногласий среди депутатов Государственной Думы.

Данный законопроект состоит из 28 статей, в которых устанавливаются субъекты профилактики насилия, полномочиях этих субъектов, перечень мер профилактики такого насилия и оснований их применения и так далее.

Кроме того, большое значение в системе мер противодействия домашнему насилию отводится именно кодифицированному

законодательству, но прямой статьи за домашнее насилие ни в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [4], ни в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) нет. Так, в КоАП РФ была добавлена ст. 6.1.1, предусматривающая административную ответственность за нанесение побоев или совершения иных насильственных действий [5], санкция данной статьи предусматривает наложение административного штрафа в размере от 5000 до 30000 рублей, либо административный арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок от 60 до 120 часов. Административная ответственность имеет место лишь тогда, когда нет последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ. Такими последствиями является кратковременное расстройство здоровья или незначительная стойкая утрата общей трудоспособности. При этом, внесение указанных изменений в кодифицированное законодательство явилось основанием для возникновения значительных трудностей по реализации указанных статей на практике, поскольку, указанные нормы трактовались правоприменителями по-разному. Так, «некоторые мировые судьи восприняли данные положения закона как обязанность проведения административного расследования по указанным статьям. В результате направленные в мировые суды материалы по привлечению лиц к ответственности по указанным статьям без проведения процедуры административного расследования были возвращены органам, направившим их в суд» [6].

Вместе с тем, в феврале 2017 года в России вступил в силу закон, отменяющий уголовную ответственность за побои в семье, совершенные впервые. Что на наш взгляд, лишь усугубляет ситуацию и «развязывает руки» агрессорам. Таким образом, в УК РФ нет конкретной статьи за акты домашнего насилия. Но в том случае, если агрессор уже привлекался по ст. 6.1.1 КоАП РФ и вновь совершил акт домашнего насилия, то он уже будет подвергнут уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ, а именно за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию.

Исходя из этого, возникает следующий вопрос: что мешает агрессору, совершившего уже единожды акт домашнего насилия, оплатить административный штраф в размере 5 000 рублей, вернуться домой и продолжить совершать акты домашнего насилия, так сказать, в отместку за сообщение в правоохранительные органы о содеянном. Следовательно, как правило, на практике административный штраф, можно сказать, лишь усугубляет ситуацию в сфере домашнего насилия.

Министерство внутренних дел РФ отказалось от идеи ужесточать административную ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ, по которой, в том числе, квалифицируется домашнее насилие, поскольку, вопрос об ужесточении наказания, в частности, назначение вместо штрафа административного ареста, признано нецелесообразными в силу несоразмерности административной ответственности и уголовной.

На сегодня происходит многократное увеличение числа случаев домашнего насилия из-за введения карантинного режима; это произошло, например в таких странах, как Франция, Турция. В России же официальная статистика случаев домашнего насилия фактически отсутствует, но, согласно правозащитному проекту «Зона права», в кризисные центры стали поступать сообщения о домашнем насилии после введения карантинных ограничений [7].

Если говорить про другие страны, то отметим, что, к примеру, в Республике Казахстан с января 2015 года ст. «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Побои» из Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях были переведены в новый Уголовный Кодекс. Несмотря на ужесточение наказания за домашнее насилие, данное нововведение не дало никаких положительных результатов, так как допускались факты оправдания лиц в связи с невозможностью доказать вину бытового насильника. Более того, в силу юридической неграмотности и больших временных затрат, большая часть потерпевших лиц не имели возможности собрать и представить в суд необходимые для рассмотрения дела доказательства. В результате, с июля 2017 года побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью вновь переведены в разряд административных правонарушений. В настоящее время лиц, совершивших бытовое насилие, привлекают по ст.ст. 73-1 и 73-2 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях [8].

Обратимся к опыту зарубежных стран в привлечении к ответственности лиц, совершающих побои в отношении членов своей семьи и близких родственников. К примеру, в Великобритании семейно-бытовое насилие наказывается сроком до 5 лет лишения свободы, в США – от нескольких месяцев до 3–5 лет лишения свободы в зависимости от степени тяжести причинённого вреда. По французскому законодательству домашнее насилие по отношению к члену семьи считается отягчающим обстоятельством и в зависимости от совершенного преступления и может серьезно увеличить тюремный срок. Так, в случае убийства жены мужу грозит пожизненное тюремное заключение.

В Германии действует целая система мер по защите от семейного насилия, включая широкие формулировки понятия угрозы, в том числе «Закон о гражданской защите от актов насилия и принуждения», принятый в 2001 году, направленный на борьбу с домашним насилием путем выдачи охранный ордера [2].

Таким образом, делая вывод, следует отметить, что необходимо разработать единый работающий механизм защиты лиц от актов домашнего насилия. По нашему мнению, лучшим вариантом будет разработать и принять закон «О противодействии домашнему насилию в Российской Федерации», которым предусмотреть меры профилактики и противодействия домашнему насилию.

Кроме того, считаем, также необходимо внести изменения в санкцию статьи 6.1.1 КоАП РФ, а именно, убрать из санкции статьи административный штраф, поскольку считаем, что такой вид административного наказания никоим образом не достигает тех целей и задач, которые стоят перед законодательством об административном правонарушении, т.е. никак не защищает пострадавших лиц, а лишь усугубляет ситуацию дополнительными материальными обременениями.

Стоит помнить то, что домашнее насилие над детьми, женщинами, родственниками-инвалидами, мужчинами – это не сфера частной и семейной жизни, это преступление, которое должно караться законом.

Список использованных источников:

1. Евсикова Е.В., Жигулина В.В. Особенности законодательного урегулирования предупреждения домашнего насилия в российской Федерации и других государствах-членах Евразийского экономического союза/ Евсикова Е.В., Жигулина В.В. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3 (29). – С. 21-25.

2. Защита от насилия: меры, предусмотренные в Германии [Электронный ресурс]. URL: https://www.mimi-gegen-gewalt.de/wp-content/uploads/2019/03/RatgeberM%C3%A4nner_RU.pdf (дата обращения: 31.05.2021г.)

3. Проект Федерального закона «О профилактике семейно- бытового насилия в Российской Федерации» 2019г [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf> (дата обращения: 31.05.2021г.)

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.05.2021г.)

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 31.05.2021г.).

6. Руденко А.В. К вопросу системности реформирования законодательства об административной ответственности / Руденко А.В. // В сборнике: КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ. сборник научных трудов участников Международной научно-теоретической конференции. 2018. С. 242-246.

7. Незнамова И.А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ // Евразийская адвокатура. 2020. №3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vnutrisemeynye-prestupleniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-zarubezhnyh-gosudarstvah> (дата обращения: 31.05.2021).

8. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р <Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года> [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 31.05.2021г.)

9. Сыздыков А.Ж., Сагымбеков Б.Ж. Сравнительно-правовой анализ административно-правовых мер профилактики бытового насилия (опыт Казахстана и России) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. №3 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-administrativno-pravovyh-mer-profilaktiki-bytovogo-nasiliya-opyt-kazahstana-i-rossii> (дата обращения: 31.05.2021).

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ДЕЛ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И США

Трифонова Кристина Васиковна,
доцент кафедры гражданского права,
доцент кафедры административного и финансового права
Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»
кандидат юридических наук, доцент
г. Симферополь, Россия

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ рассмотрения и разрешения миграционных дел в России и США. Автором исследованы особенности института иммиграционного судьи и его полномочия в США. Автор приходит к выводам, что практика США по вопросам как регулирования миграции, так и борьбы с нелегальной миграцией имеет возможность быть примененной в РФ, но с учетом российской специфики. Автор подчеркивает, что наличие квазисудебных обусловлено особенностями построения системы государственных органов в США.

Ключевые слова: незаконный мигрант, миграционное дело, судья, административное правонарушение, депортация, выдворение.

FEATURES OF CONSIDERATION AND RESOLUTION OF MIGRATION CASES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Trifonova Kristine Vasakovna

Abstract: The article provides a comparative legal analysis of the consideration and resolution of migration cases in Russia and the United States. The author investigated the peculiarities of the institution of an immigration judge and its powers in the United States. The author comes to the conclusion that the practice of the United States on both the regulation of migration and the fight against illegal migration can be applied in the Russian Federation, but taking into account the Russian specifics. The author emphasizes that the presence of quasi-judicial is due to the peculiarities of the structure of the system of state bodies in the United States.

Keywords: illegal migrant, migration case, judge, administrative offense, deportation, expulsion.

Миграционная политика большинства современных государств построена на восприятии миграции как угрозы национальной безопасности, а мигрантов как потенциальных правонарушителей; следовательно, государства в лице законодательных органов лоббируют более строгие меры в сфере правового регулирования миграционных процессов и пограничного контроля. Исходя из правового анализа миграционного законодательства зарубежных стран можно выделить три модели борьбы с нелегальной миграцией (американская, европейская и российская) с учетом геополитических и социально-экономических особенностей. Отмечается, что для российской модели характерны экономические барьеры (например, стоимость патентов) и преобладание административных мер из-за безвизового режима с основными странами-донорами, как правило, странами СНГ. Однако в случае США ключевым способом борьбы с нелегальной миграцией в последние годы было укрепление их физических границ, чтобы ограничить массовые потоки из Мексики и других стран Латинской Америки. Из-за притока лиц, ищущих убежища из стран Ближнего Востока и Африки Европейская модель была модернизирована за счет реализации смешанных мер: усиления пограничного контроля (даже между странами ЕС), создания барьеров, как физических (например, венгерская граница), так и социальных (например,

депортация), а также заключения соглашения с третьими странами (например, с Турцией).

Современное миграционное законодательство США включает в себя ряд актов: Федеральный акт 1952 г. «Об иммиграции и натурализации» (англ. Immigration and Nationality Act) объемом около 500 страниц и более 1000 страниц административных регламентов, изданных федеральными департаментами, прецедентов квазисудебных и судебных органов. В США ежегодно рассматриваются более 350 тыс. иммиграционных споров в квазисудебном порядке.

Рассмотрение дел, вытекающих из иммиграционных правоотношений, по процессуальному законодательству США «осуществляется в трехступенчатом порядке: два уровня квазисудебного рассмотрения (административной адьюдикации) и судебный надзор, что подчеркивает уникальность американской модели разрешения публично-правовых споров данной категории» [1, с. 12].

На первом этапе дело рассматривает иммиграционный судья, являющийся сотрудником квазисудебного агентства Департамента юстиции США – Исполнительного агентства по рассмотрению иммиграционных дел (далее – Исполнительное агентство). Данное агентство создано в 1983 г. в результате реорганизации путем объединения Комиссии по иммиграционным апелляциям (англ. Board of Immigration Appeals) с иммиграционными судьями страны, которые ранее находились в прямом подчинении Службы иммиграции и натурализации (англ. Immigration and Naturalization Service), и включения нового объединенного агентства в структуру Департамента юстиции США.

Исполнительное агентство имеет в своем составе следующие подразделения:

- Комиссию по иммиграционным апелляциям – орган Исполнительного агентства, рассматривающий иммиграционные споры в порядке обжалования;

- Службу главного должностного лица административного слушания (англ. Office of the Chief Administrative Hearing Officer), осуществляющего контроль за квазисудебными процессами по вопросам нелегального трудоустройства иностранных граждан на территории США. Главное должностное лицо административного слушания назначается на должность директором Исполнительного агентства на неопределенный срок;

- Службу главного иммиграционного судьи (англ. Office of the Chief Immigration Judge), осуществляющего руководство иммиграционными судами и судьями. Главный иммиграционный судья,

назначаемый на должность генеральным прокурором США по представлению директора Исполнительного агентства, предлагает кандидатуры иммиграционных судей и за свою деятельность несет ответственность непосредственно перед директором»» [1, с. 15].

Центральное место в системе органов и должностных лиц, обеспечивающих рассмотрение иммиграционных споров, занимает институт иммиграционных судей. В соответствии с федеральным законодательством «иммиграционный судья представляет собой должностное лицо, назначенное генеральным прокурором США на должность административного судьи в структуре Исполнительного агентства по рассмотрению иммиграционных споров для разрешения дел, предусмотренных Федеральным актом «Об иммиграции и натурализации»» [2, р. 313].

Обращаясь к российскому опыту, можно отметить следующее. Вопросы о временном размещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении регулируются гл. 28 КАС РФ [3].

При осуществлении правосудия по данной категории дел, как явствует из п. п. 2, 3 ч. 3 ст. 266 КАС РФ, в компетенцию суда входит решение только двух основных вопросов: проверка наличия основания для временного размещения лица, подлежащего реадмиссии или депортации, в специальном учреждении; определение правомерности определенного административным истцом срока пребывания этого лица в специальном учреждении до его фактической высылки (депортации) или передачи в случае реадмиссии другому государству.

В соответствии со ст. 266 КАС РФ административное исковое заявление по данной категории дел подается представителем территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю (надзору) и оказанию государственных услуг в сфере миграции (территориальный орган в сфере миграции).

В роли такого органа выступает территориальный орган МВД России, который является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в этой сфере [4].

Административное исковое заявление подается в суд по месту нахождения специального учреждения, в которое помещен иностранный гражданин, подлежащий депортации или реадмиссии.

Административное исковое заявление подписывается руководителем территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере миграции.

Если заявленные требования подсудны данному суду, при поступлении административного искового заявления судья незамедлительно выносит определение о принятии иска к производству и о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении на срок, необходимый для его рассмотрения.

После принятия административного иска суд вправе в общем порядке, установленном ст. 63 КАС РФ, истребовать у лиц, участвующих в деле, материалы, необходимые для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела. Суд также возлагает на территориальный орган в сфере миграции, которым подан административный иск, обязанность обеспечить участие этих лиц в судебном заседании.

Суд рассматривает и разрешает административное дело в судебном заседании в сокращенный срок – в течение пяти дней со дня его возбуждения. Выездное судебное заседание по этой категории дел законом не предусматривается. Судебное заседание проводится в помещении суда с участием: административного истца, т.е. представителя территориального органа МВД России; административного ответчика – иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии; прокурора, однако неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенного прокурора не препятствует рассмотрению и разрешению административного дела (ст. 268 КАС РФ).

Лицо, подлежащее высылке или передаче другому государству, для участия в судебном заседании конвоируется в суд сотрудниками органов внутренних дел.

Суд, рассмотрев дело по существу, принимает решение, которым удовлетворяет административный иск или отказывает в его удовлетворении. Содержание решения должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к содержанию решения суда (ст. 180 КАС РФ).

Согласно положениям КАС РФ в мотивировочной части решения, которым иск удовлетворен, должен быть установлен и обоснован

разумный срок пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении, а в резолютивной части – конкретный срок его пребывания в этом учреждении, который может не совпадать со сроком, указанным в административном исковом заявлении.

Однако, необходимо обратить внимание и на процедуру применения судами выдворения в качестве вида административного наказания.

Под административным выдворением иностранного гражданина или лица без гражданства понимается:

1) контролируемый самостоятельный выезд иностранных граждан или лиц без гражданства из Российской Федерации и

2) принудительное и контролируемое перемещение указанных лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации.

При этом только вторая форма указанного административного наказания в настоящее время исполняется ФССП России. Приставы реализуют наказание только в случае, если оно было назначено постановлением суда общей юрисдикции.

Таким образом, административное выдворение за пределы РФ является дополнительным видом наказания и должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства [5].

Следует сделать вывод, что рассмотрением данной категории дел в России занимаются исключительно судьи.

По мнению некоторых специалистов в области иммиграционного законодательства США: «иммиграционные судьи не обладают юридическим статусом административных судей, образуя самостоятельную категорию должностных лиц, осуществляющих квазисудебное разбирательство» [6].

Данная точка зрения аргументирована тем, что административные судьи имеют юридические привилегии, необходимые для эффективного отправления правосудия, реальные гарантии самостоятельности. В отличие от административных иммиграционные судьи, находясь в исполнительной власти, рассматривают публично-правовые споры под руководством генерального прокурора страны, который назначает их на должность и

которому они подотчетны, причем назначение на должность иммиграционного судьи осуществляется без участия Управления кадровой службы США.

Кроме того, в отличие от административных судей, которые могут быть освобождены от должности лишь при определенных обстоятельствах, иммиграционные судьи могут лишиться должности по решению генерального прокурора США, согласованному с директором Исполнительного агентства.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что в той или иной мере иммиграционные судьи не могут не являться объектами административного (бюрократического) воздействия со стороны вышестоящих должностных лиц. [7].

В соответствии с Процессуальным регламентом иммиграционного суда от 1 апреля 2008 г. (англ. Immigration Judge's Practice Manual) иммиграционный судья принимает к рассмотрению, в частности, дела о депортации и удалении. Интересным является тот факт, что «американская юридическая доктрина и правоприменительная практика не отождествляют понятия «депортация» (англ. deportation) и «удаление» (англ. exclusion)» [8].

Так, в соответствии с правовой позицией Верховного суда США по делу «Фонг Юй Тинг против США» (1893 г.) «депортация представляет собой высылку иностранного гражданина из страны на том основании, что его поведение негативно влияет на общество» [9]. Основаниями для депортации могут служить совершение тяжкого преступления, причастность к террористической деятельности (данное основание появилось в практике американских судов после событий 11 сентября 2001 г.), грубые нарушения визового режима и т.д. Лицо, подвергнутое депортации из США, лишается права на въезд в эту страну на срок не менее 5 лет.

Согласно указанному Регламенту по решению судьи квазисудебное разбирательство может проводиться как в физическом присутствии сторон в зале суда, так и в интерактивных формах (видео-заседания, разбирательства по телефону и т.д.), но при условии, что процесс будет фиксироваться с помощью современных электронных способов и средств. Так, «в 2010 г. в интерактивной форме было рассмотрено 105 901 дело из 852 230, т.е. каждое восьмое [10]».

По общему правилу, «квазисудебный процесс инициируется частным лицом путем подачи жалобы на действие (бездействие) или решение административного агентства» [11]. Однако в иммиграционных делах

заявителем, наоборот, чаще выступает публичная администрация в лице Департамента национальной безопасности. Разумеется, жалоба в иммиграционный суд в данных случаях может быть подана и частными лицами, если, как они считают, представители Департамента национальной безопасности нарушили их права и законные интересы. Однако вне зависимости от того, кем именно инициируется квазисудебный процесс по делам, возникающим из иммиграционных правоотношений, процедура рассмотрения таких дел не меняется.

Получая дело о депортации, иммиграционный судья в течение 15 дней обязан ответить на обращение административного агентства и назначить дату предварительного слушания. На предварительном слушании судья знакомится с сутью дела, указывает сторонам на самые существенные аспекты спора и на то, что именно подлежит доказыванию (опровержению), выясняет желание частного лица реализовать свое право на получение квалифицированной юридической помощи. На данном этапе заключение мирового соглашения практически невозможно.

Примечательно, что «федеральные акты «Об административной процедуре» и «Об иммиграции и натурализации» предусматривают лишь некоторые этапы квазисудебного разбирательства (вступительное слово сторон и возражения на представленные другой стороной доказательства, исследование доказательств, перекрестный допрос свидетелей, прения сторон)». [12, p.28]. Можно констатировать тот факт, что квазисудебный процесс рассмотрения иммиграционных дел во многом аналогичен российскому судопроизводству по гражданским делам, правда, с некоторыми особенностями.

Логическим завершением квазисудебного разбирательства служит «вынесение иммиграционным судьей решения, которое может быть обжаловано не позднее 30 календарных дней с момента его оглашения в Комиссии по иммиграционным апелляциям (далее - Иммиграционная комиссия), созданную генеральным прокурором США в 1940 г. Иммиграционная комиссия, состоящая из 15 членов (включая председателя и двух его заместителей), выступает в квазисудебном процессе рассмотрения дел, возникающих из иммиграционных правоотношений, второй инстанцией. Жалоба на решение суда первой инстанции рассматривается в комиссии как единолично иммиграционным судьей, так и коллегиально (коллективом в составе трех судей)» [13, p.268].

По общему правилу дело рассматривается единолично иммиграционным судьей, если оно не относится к категориям дел, рассмотрение которых должно осуществляться коллегиально.

Коллегиальное рассмотрение иммиграционных дел в Иммиграционной комиссии осуществляется: в целях выработки единой правовой позиции по однотипным делам (на практике иммиграционные суды, рассматривая схожие дела, выносят по ним подчас кардинально различающиеся решения); при необходимости восполнения пробела в действующем иммиграционном законодательстве или разрешения юридической коллизии путем учреждения правового прецедента; для разъяснения смысла и содержания норм законов и административных регламентов (интерпретационная деятельность); при пересмотре решения иммиграционного судьи или Департамента юстиции, противоречащего существующей прецедентной практике иммиграционных судов по аналогичным делам; по делам, имеющим большое значение для государственной власти.

Если частное лицо, за исключением Департамента национальной безопасности, несогласно с решением Иммиграционной комиссии, оно вправе обратиться в суд общей юрисдикции для защиты своих законных интересов. При этом Федеральный акт «Об иммиграции и натурализации» «содержит перечень иммиграционных дел, не подлежащих рассмотрению судом общей юрисдикции, например, дел о депортации лица вследствие совершения им преступления при условии, что такое лицо находилось на территории США легально»[14, р.45].

Законодательство США также разрешает должностному лицу иммиграционных служб без обращения в иммиграционные суды принять решение о депортации или удалении незаконного иммигранта. В частности, подобное возможно при задержании нелегального иммигранта: «ранее депортированного из США по решению иммиграционного суда. Представитель Департамента национальной безопасности имеет право его удалить из страны без повторного квазисудебного разбирательства; не имеющего документов, удостоверяющих личность, на расстоянии 100 миль от официальных внешних границ США при условии, что он находится в стране не более двух недель» [15].

Аналогичная норма в отношении подобной категории имеется и в России.

Представляется возможным сделать вывод о том, что сложность миграционных дел подчеркивается особым статусом участников. С одной стороны, провозглашая права иностранцев, Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, предусматривает, в частности, что ее положения не должны толковаться как ограничивающие право любого государства принимать

законы и правила, касающиеся условий въезда иностранцев и их пребывания на его территории или устанавливающие различия между его гражданами и иностранцами, а также как узаконивающие незаконное проникновение иностранца в государство и его присутствие в государстве (п. 1 ст. 2) [16]. А с другой стороны, угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, распространением эпидемий и другие неблагоприятные последствия наносят урон национальной безопасности государства и привлечения лиц к различным видам юридической ответственности обосновано.

Одной из целей и задач миграционной политики любого государства должно быть обеспечение соблюдения разумного баланса государственных, общественных и частных интересов[17].

Практика США по вопросам как регулирования миграции, так и борьбы с нелегальной миграцией имеет возможность быть примененной в РФ, но с учетом специфики моделей регулирования данного института вообще. Наличие квазисудебных процедур отличает практику по указанным вопросам от отечественной и обусловлено особенностями построения системы государственных органов в США.

Список использованных источников:

1. Караманукян Д.Т. *Административная юстиция США: монография.* - "Омская юридическая академия", 2014 г.
2. Davis K.C. *Administrative law treatise.* 1978. V. I. P. 313.
3. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021).//*Российская газета.* N 49, 11.03.2015.
4. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. N 156 "О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции" // <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Решение Московского городского суда от 16 ноября 2017 г. по делу N 7-14429/2017, Постановление Верховного Суда РФ от 10 сентября 2018 г. N 31-АД18-15, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ".// СПС Консультант Плюс
6. Russell R. Wheeler. *Practical Impediments to Structural Reform and the Promise of Third Branch Analytic Methods: A Reply to Professors Baum and Legomsky*, 59 DUKE L. J. 1847, 1862, n. 71 (2010).
7. URL: <http://trac.syr.edu/immigration/reports/306/>.
8. URL:<http://www.justice.gov/eoir/vll/OCIJPracManual/Chap%204.pdf>.
9. URL: <http://caselaw.lp.findlaw.com/cgi-bin/getcase.pl?court=us&vol=149&invol=69> 8.
10. URL: <http://www.acus.gov/sites/default/files/documents/Enhancing-Quality-and-Timeliness-in-Immigration-Removal-Adjudication-Final-June-72012.pdf>.

11. Караманукян Д.Т. Новый взгляд на возникновение административного права в США // Проблемы права. 2010. N 4. С. 103-106.
 12. Asimow M.A. *Guide to Federal Agency Adjudication*. 2002. P. 28.
 13. Holmes O.W. *The Common Law*. Empire Books. 2012. P. 268.
 14. Strauss P. *Administrative justice in the USA*. Durham, NC: Carolina academic press, 2002. P. 245.
 15. URL:[http://www.americanbar.org/content/dam/aba/migrated/Immigration/Public Documents/aba_complete_full_report.authcheckdam.pdf](http://www.americanbar.org/content/dam/aba/migrated/Immigration/Public%20Documents/aba_complete_full_report.authcheckdam.pdf).
 16. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (утв. Резолюцией 40/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 г.)//СПС "Консультант Плюс".
 17. Дубовец К.А. Проблемы привлечения к административной ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере осуществления иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации.//Журнал "Научный портал МВД России".№1.2020
-

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

*Паламарчук Сергей Александрович,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация:** В статье исследуется проблема реализации конституционных прав и свобод граждан в условиях новой цифровой виртуальной реальности. Автор подчеркивает, что классические конституционные права человека и гражданина получают новое значение о механизмы обеспечения в информационно-коммуникационной сети Интернет. На основе анализа статей второй главы Конституции Российской Федерации, а также федеральных законов формулируются дополнительные возможности, которые предоставляет гражданам сеть Интернет, например, удаленное осуществление права на охрану здоровья.*

***Ключевые слова:** виртуальная реальность, гарантии конституционных прав и свобод личности, информационные технологии, сеть Интернет, цифровая экономика, информационные права, цифровая реальность.*

THE IMPACT OF THE INTERNET INFORMATION AND COMMUNICATION NETWORK ON THE REALIZATION OF BASIC HUMAN AND CIVIL RIGHTS

Palamarchuk Sergey Alexandrovich

***Abstract:** The article examines the problem of the implementation of the constitutional rights and freedoms of citizens in the new digital virtual reality. The author emphasizes that the classical constitutional rights of a person and a citizen receive a new meaning about the mechanisms of ensuring in the information and communication network of the Internet. Based on the analysis of the articles of the second chapter of the Constitution of the Russian Federation, as well as federal laws, additional opportunities are formulated that the Internet provides to citizens, for example, the remote exercise of the right to health protection.*

Key words: virtual reality, guarantees of constitutional rights and freedoms of the individual, information technologies, the Internet, digital economy, information rights, digital reality.

Соблюдение прав человека закладывается в основу всякого цивилизованного общества. Будучи закреплены в конституциях, права и свободы человека и гражданина выступают в качестве базы, на которую опирается законодательная система современных демократических государств [1, с 8]. Глава 2 Конституции России закрепляет права и свободы человека и гражданина, подчеркивая, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч.2 ст. 17 Конституции РФ). Представляется интересным исследовать влияние сформировавшейся информационной сети Интернет на комплекс основных права и свобод человека.

В статье 22 Конституции РФ закрепляются личные неимущественные права – право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Эти права, естественно, принадлежат пользователям социальных сетей и сети Интернет. Комплексное использование экономических, правовых и технических мер защиты от информационных угроз позволит защитить пользователей сети Интернет от компьютерных преступлений, покушений на их свободу, физическое и психическое здоровье [2, с 121].

Много споров в современном политическом пространстве России вызвал принятый комплекс поправок к законодательству (с легкой руки СМИ получивший название «пакет Яровой» [3]), который обязывал мобильных операторов в течение полугода сохранять переговоры, звуковые сообщения, графические изображения, видеоконтент, генерируемые пользователями, что входит в прямое противоречие с ч.2 ст. 23 Конституции РФ конкретно указывающей на то, что подобные мероприятия могут проводиться только на основе судебного решения [4, с 63]. Попытка законодателей оправдать применение пакета тем фактом, что подобное хранение информации осуществляется временно, полностью автоматизировано и зашифровано, т.е. управляется только внутренними алгоритмами информационных баз данных и по истечении полугода удаляется навсегда все равно вызывает больше вопросов, чем ответов.

Согласно ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Это гарантированное Конституцией РФ право получило новое выражение на портале государственных услуг

Российской Федерации. Гражданину, который имеет доступ в сеть Интернет и владеет основами информационных технологий, сегодня доступна дистанционная запись к врачу с присвоением электронного идентификатора, который позволит избежать долгого ожидания в очередях, причем пациент может выбрать наиболее удобное и географически близкое к нему лечебное учреждение. Развиваются так называемые технологии удаленного предоставления медицинской помощи – «применение информационных технологий в сфере охраны здоровья», когда в случае невозможности немедленного перемещения пациента на личный осмотр у врача, консультационная медицинская помощь может быть оказана удаленно при помощи сети Интернет и web-камеры [5].

Не менее важной и популярной услугой является проведение медико-социальной экспертизы в электронной форме. Она предусматривает определение нуждаемости лица в постоянном постороннем уходе по состоянию здоровья, определение степени утраты профессиональной трудоспособности пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания и разработки программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, определение стойкой утраты трудоспособности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, проведение медико-социальной экспертизы для установления инвалидности. Для получения услуги достаточно направить отсканированные электронные документы в соответствующее министерство, после чего услуга будет оказана в максимально удобном для пользователя режиме.

Статья 29 Конституции РФ гарантирует право на свободу мысли, свободу слова, свободу убеждений и выражение собственного мнения. Конституционное право на объединение (ст. 30 Конституции РФ) может быть реализовано путем создания информационных порталов по интересам, регистрации пабликов в социальных сетях и др. Конституционное право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) трансформируется в виртуальном пространстве в виде права на подачу коллективных электронных петиций. Уже сегодня эта возможность активно используется гражданами, например, путем привлечения внимания к резонансным общественным обсуждениям, размещаемым на портале Change.org. Так, например, в 2016 году зоозащитникам удалось собрать необходимое количество подписей за введение должности

«уполномоченного по правам животных», на это обратил внимание Президент Российской Федерации. Как следствие, были внесены поправки в Уголовный кодекс РФ, ужесточающие наказание за жестокое обращение с животными. Статья 245 УК РФ: «жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет» (в ред. Федерального закона от 20.12.2017 N 412-ФЗ) – как видим уточненная редакция статьи является прямым следствием петиции, размещенной на интернет-портале.

Часть 5 статьи 29 Конституции РФ гарантирует свободу массовой информации. Право на доступ в сеть Интернет, очевидно, обладает не меньшей, а то и большей универсальностью и фундаментальностью, чем право на доступ к традиционным средствам массовой информации. Обращаясь к получению информации из газеты, журнала, телевидения, пользователь вынужденно занимает пассивную позицию и работает со сведениями, предоставляемыми конкретным источником. Работа же в сети Интернет превосходит работу со СМИ в полноте выражения, отличается ярко выраженной интерактивной позицией, расширенным выбором Интернет-сайтов, возможностью сравнивать информацию из большого числа источников, легкостью выражения собственного мнения путем создания дневников, блогов, интернет-журналов, страниц в социальных сетях и т.д. [6, с. 36].

Совместная Декларация о свободе выражения мнений и интернете, принятая в 2011 г. совместно ООН, ОБСЕ, Организацией американских государств и Африканской комиссией по правам человека и народов (СДСВМИ), эксплицитно обозначает все вышеуказанные права пользователей и обязанности государств в п. 6, согласно которому государства обязаны содействовать всеобщему доступу к интернету, а отказ в доступе к сети для физического лица представляет собой крайнюю меру, которую можно применить лишь в отсутствие более мягких форм наказания [7].

В современной динамичной политической действительности огромную роль играет закрепленное в ст. 31 Конституции РФ право на

свободу собраний и объединений. Оно тоже находит свое преломление в пространстве «всемирной паутины». Сегодня на просторах глобальной сети создается огромное количество тематических групп, веб-ресурсов, сервисов социальных сетей, поэтому каждый человек имеет право создавать, присоединяться, встречаться или посещать интернет-сайты или сетевые сообщества, группы или объединения по любой причине, в том числе по социальным или социальным причинам.

Часть 3 ст. 37 Конституции России закрепляет основополагающее право гражданина – право на труд. Сегодня появилась большая группа работников, реализующих свое конституционное право на труд при помощи удаленной работы.

Принципы удаленной работы были внесены в главу 49 ТК РФ еще в 2013 году [8].

Тем не менее особое влияние на применение гарантированного Конституцией Российской Федерации права на труд оказала пандемия коронавируса 2020 г.

В начале пандемии наложенные правительственные ограничения на свободу передвижения и самоизоляция оказали на подавляющее большинство граждан Российской Федерации крайне негативный эффект. Большинство жителей испытывали эмоции паники, неуверенности в завтрашнем дне, беспокойство по поводу исполнения взятых на себя ранее обязательств, выплат финансового и имущественного характера. Ну и, конечно, самый главный страх жителей выразился в возможности навсегда лишиться работы, а в некоторых случаях и дела всей жизни, в которое многие десятилетия вкладывались силы и средства. Существенным фактором, оправдывающим эти страхи, явилась крайне слабо проработанная законодательная база, устанавливающая правила удаленной работы. Упомянутые нами выше главы и статьи Трудового кодекса РФ имели «рамочный» характер и совсем нечасто действительно применялись в юридической практике выстраивания взаимоотношений между работником и работодателем. Более того качественный и (что важно) всеобщий переход на удаленную работу внес раскол в структуру даже тех трудовых функций, которые сложились на 1 января 2020 года и вынуждены были претерпеть трансформацию уже в конце марта 2020 года.

Закономерным следствием явилось принятие Федерального закона, полностью детализирующего права и обязанности работника и работодателя в условиях удаленной работы, который вступил в силу с 1 января 2021 года. В законе закреплено определение понятия "дистанционная (удаленная) работа". Предусмотрено, в частности, что

трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору может предусматриваться выполнение работником трудовой функции дистанционно на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора) либо временно (непрерывно в течение определенного трудового договора или дополнительным соглашением к трудовому договору срока, не превышающего шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте) [9].

Статья 39 Конституции РФ гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Свое право на получение пенсии сегодня также можно реализовать в электронной форме, используя государственную услугу «подача заявления на получение пенсии».

Таким образом, подводя итоги, можно однозначно сказать, что новая «цифровая реальность» властно диктует новые механизмы реализации всего комплекса конституционных прав и свобод человека. При этом информационные процессы в виртуальном пространстве протекают с колоссальной скоростью. Это требует самого пристального внимания, как со стороны законодательной власти, вынуждая ее работать на опережение, чтобы хотя бы минимизировать появление пробелов в традиционном законодательстве, не успевающим за новыми цифровыми формами правореализации, так и со стороны физических и юридических лиц, которые, в свою очередь, должны повышать свой уровень владения информационными технологиями, чтобы оказаться конкурентоспособными в быстро меняющейся цифровой экономике.

Список использованных источников:

1. Конституционное право: университетский курс: Учебник / Под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. В 2 т. М., 2015. Т. 2.
2. Виноградова Н.В. Теоретические вопросы правового статуса человека и гражданина в реализации прав на получение информации в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01, 12.00.14 / Виноградова Наталья Владимировна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. инженер.-эконом. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2010.
3. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. Ст. 4558.

4. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. №2.
 5. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья" // СПС «Гарант».
 6. Лёвова И., Шуклин Г., Винник Д. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика / И. Лёвова, Г. Шуклин, Д. Винник. М.: Ассоциация интернет-издателей; «Кабинетный учёный», 2013.
 7. Электронный ресурс: <http://www.osce.org/ru/fom/99559?download=true> (дата обращения 29.01.2021).
 8. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 05.04.2013 N 60-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».
 9. Федеральный закон "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях" от 08.12.2020 N 407-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».
-

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЕЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ

Рощевская Елена Владимировна,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических

дисциплин

Ростовского филиала ФГБОУВО "РГУП"

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема психологической компетентности судей. Современные требования к качеству отправления правосудия отражают необходимость не только высокого уровня профессиональной подготовки в области юриспруденции, но и достаточной психологической компетентности. Сформулированы предложения по повышению эффективности судебного заседания с учетом психологических факторов.

Ключевые слова: судьи, психологическая компетентность, профессионализм, правосудие, профессиональная деятельность судей, качество правосудия.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PROFESSIONAL SUCCESS OF JUDGES

Roshchevskaya Elena Vladimirovna

Abstract: *This article deals with the problem of psychological competence of judges. Modern requirements for the quality of the administration of justice reflect the need not only for a high level of professional training in the field of law, but also for sufficient psychological competence. Proposals are formulated to improve the efficiency of the court session, taking into account psychological factors.*

Key words: *judges, psychological competence, professionalism, justice, professional activity of judges, quality of justice.*

В последнее время качество правосудия является предметом постоянного внимания со стороны как практикующих юристов, так и научного сообщества. Критерии, по которым предлагается оценивать, насколько высок уровень правосудия, достаточно широки и разнообразны. В первую очередь, это показатели стабильности судебных актов и надлежащая организация судебной деятельности. Важную роль также играет финансовое и материально-техническое обеспечение судов, в особенности их информационное оснащение. Но центральное место в совершенствовании судебной системы занимают судьи как носители судебной власти, наделенные государством гарантиями независимости и несменяемости.

Современные реалии таковы, что для профессиональной деятельности недостаточно быть нормативно-заданной и выполняемой в соответствии с определенными привычными установками и предписаниями. Деятельность должна выходить на креативный, творческий уровень, а личность как субъект деятельности – стремиться к высокому уровню профессиональных достижений, к "акме" (вершине). Мы предполагаем, что субъект профессиональной деятельности обладает определенным потенциалом, который можно понимать как систему знаний, умений, навыков, профессионально значимых качеств, способностей, постоянно пополняемую и совершенствуемую. В этом аспекте важна ориентация субъекта деятельности на актуализацию своего личностно-профессионального потенциала. Другими словами, движущей силой своего профессионального развития должен быть сам человек.

Кодекс судейской этики, провозглашая одним из основных принципов профессионального поведения судей при отправлении правосудия принцип компетентности и добросовестности, подчеркивает

необходимость не только изначально высокого уровня знаний, умений и навыков, личных качеств, но и необходимость со стороны судей приложения усилий к их постоянному совершенствованию и развитию.

Факторы, обуславливающие достижение профессиональной успешности, весьма разнообразны и многоплановы и находятся в постоянном взаимодействии. Но одними из основных в профессиях социономического типа мы можем считать психологические факторы.

В профессиональной деятельности судей особую значимость имеет не только высокий уровень подготовленности в области юриспруденции, но и наличие определенных психологических знаний и умений. Занимая центральное место в системе судебной власти, судья, тем не менее выступает как человек во всем многообразии индивидуально-психологических качеств. Так М.И. Клеандров ставит следующий вопрос: "...что в судье первично (точнее должно быть первичным) - человеческие качества, включая слабости, привычки и т. п., либо самоглушающие все это, доминирующие над всем прочим необходимые судебские функции?" [1, с. 169]. С нашей точки зрения, представляется правильным воспринимать судью как целостную личность, достигшую определенной психологической и социальной зрелости, способную к рефлексии, саморазвитию и самосовершенствованию как в профессиональном, так и в личностно-индивидуальном плане.

Психологическая компетентность судей играет определяющую роль как в продуктивности их каждодневного труда, предотвращении профессиональной деформации и профилактике эмоционального выгорания, сохранения психологического здоровья, так и в аспекте повышения доверия к судебной власти со стороны отдельного человека и общества в целом, формирования в сознании граждан уважения к суду и признания его авторитета.

Кодекс судейской этики указывает, что судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи, должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании [2].

Особое место среди компонентов психологической компетентности занимает компетентность коммуникативная, понимаемая как совокупность

знаний, умений, навыков в области делового (профессионального) общения.

В судебном заседании судье следует поддерживать доброжелательную атмосферу взаимодействия с участниками процесса, но в то же время четко ориентировать всех присутствующих на решение конкретных задач. Наиболее приемлемый стиль ведения заседания судьей можно охарактеризовать как деловой, включенный.

В ходе судебного заседания судья должен стремиться создавать и поддерживать благоприятный эмоциональный тон взаимодействия с лицами, участвующими в деле, используя вербальные (отчетливое приветствие, тактичное обращение) и невербальные (поддержание зрительного контакта, отчетливость и ясность речи, достаточную громкость голоса, умеренный темп речи, доброжелательные интонации) сигналы.

Желательно уделить особое внимание невербальному поведению. Судья должен стараться сохранять открытые (голова и корпус развернуты в сторону собеседника, конечности не скрещены), а не закрытые позы, подчеркивающие его спокойствие, уверенность и деловой настрой.

Судье в ходе ведения судебного заседания необходимо показывать свою заинтересованность ходом взаимодействия. Прежде всего, внимательно слушать выступающих, используя в пределах своих полномочий такие техники активного слушания, как:

- закрытые вопросы, предполагающие однозначный ответ;
- открытые вопросы, предполагающие развернутый ответ;
- альтернативные вопросы, в формулировке которых содержатся варианты ответов;
- уточняющие вопросы для выяснения смысла выражения или слова;
- перефразирование, т. е. собственная формулировка сообщения говорящего для проверки его точности.

Возможно использование судьей техник одобрения (кивание головой, употребление слов «хорошо», «понятно», «продолжайте»), относящихся к личности выступающего, а не к его позиции. Судья таким образом показывает, что слышит и воспринимает поступающую информацию.

Судья, владеющий коммуникативными компетенциями, может и должен отслеживать в ходе судебного заседания складывающуюся эмоциональную обстановку и при необходимости применять конструктивные приемы для снижения эмоционального напряжения

участников процесса. При этом судья всегда стремится удерживать коммуникацию в рамках определенных правил и норм поведения. Для судьи важно не только формально использовать полномочия по поддержанию порядка в судебном заседании, предоставленные процессуальным законодательством, например, предупреждение, наложение денежного взыскания или удаление из зала, но и реализовывать воспитательную функцию, убеждая участников в необходимости конструктивного поведения в ходе разбирательства.

Для судьи желательно в ходе заседания сохранять нейтральную позицию, воздерживаясь от излишне эмоциональных реакций на те или иные действия сторон. Недопустимы со стороны судьи при разбирательстве дела нравоучения, нотации, назидательный тон, некорректные высказывания.

Судья выражает готовность оказать содействие, что выражается в учете возможностей, мнения сторон, стремлении достичь ясности в понимании обсуждаемых вопросов.

Выступая на IX Всероссийском съезде судей Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что "деятельность судов, их решения напрямую связаны с судьбами миллионов людей, с урегулированием споров в самых разных областях жизни. Поэтому запросы граждан к судебной системе, к работе судей, к их моральному и нравственному облику, конечно, очень высоки. И абсолютно очевидно, что им надо соответствовать в полной мере..." [1, с.5]. Необходимо помнить, что правильная организация и проведение судебных процессов при строгом соблюдении со стороны судей законности и культуры поведения является важным условием обеспечения эффективности правосудия, повышения доверия к суду и судебным решениям со стороны граждан и общества, укрепления авторитета судебной власти.

Список использованных источников:

1. *Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина // Судья. - 2017. - №1. - С. 4-5.*
 2. *Клеандров, М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования: монография / М.И. Клеандров. - М.: Норма, 2016. - 240 с.*
 3. *Кодекс судейской этики (с изм. от 8 декабря 2016 г.). Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года // СПС "Консультант Плюс".*
 4. *Роцевская Е.В. Психологическая компетентность судей как акмеологическая детерминанта эффективной профессиональной деятельности и повышения качества правосудия // Человеческий капитал. - 2019. - №12 (132). - С.197 - 203.*
-

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Теплая Нина Владимировна,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук,

кандидат экономических наук, доцент

Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП»

г. Ростов-на-Дону, Россия

***Аннотация:** в статье рассматриваются современные тенденции унификации судебной системы в Российской Федерации на этапе ее реформирования, как главного приоритетного направления защиты прав, свобод, законных интересов человека и гражданина; по обеспечению доступности граждан и всех заинтересованных лиц к системе правосудия, максимизации открытости, прозрачности, осуществления принципа независимости, объективности при вынесении судебных решений.*

***Ключевые слова:** унификация судебной системы, деятельность судейского сообщества, функции судебной власти, информатизации судов, электронное правосудие.*

MODERN TRENDS IN THE UNIFICATION OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Teplaya Nina Vladimirovna

***Abstract:** the article examines the current trends in the unification of the judicial system in the Russian Federation at the stage of its reform, as the main priority area for the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of a person and citizen; to ensure the accessibility of citizens and all interested persons to the justice system, to maximize openness, transparency, and the implementation of the principle of independence, objectivity in making judicial decisions.*

***Key words:** unification of the judicial system, activities of the judicial community, functions of the judiciary, informatization of courts, electronic justice.*

Унификация судебной системы РФ на современном этапе ее реформирования, как организационная основа деятельности судейского сообщества представляет собой объект пристального изучения со всех сторон общественного понимания. Судебная система, являясь координатором судебной власти, имеет общие цели и задачи, единые

основы построения и организации деятельности в рамках федеративного и административно-территориального устройства, полномочия самостоятельности, независимости от законодательных и исполнительных властей, руководствуется в своей деятельности конституционным, гражданским, административным и уголовным судопроизводством [4]. Несмотря на это, судебные органы систематически подвержены острой критике в отношении выносимых необоснованных судебных решений, обеспечении доступности, открытости правосудия, необходимости реструктуризации кадрового состава судейского корпуса [6, с. 28-31].

Анализируя проблемные вопросы унификации судебной системы Российской Федерации, качества и доступности отправления правосудия, имеющие основополагающее значение для ее характеристики, акцент необходимо делать на содержание и последовательность унификации судебной системы: эффективность, качество, доступность, независимость, гласность, объективность; максимальная открытость и прозрачность.

В современных реалиях, судебная система РФ из-за непосредственного воздействия различных политических, экономических, социальных факторов требует значительных изменений, унификации структуры, глобальной трансформации судебной системы, укрепления ее стабильности [7, с. 10-15].

Современные тенденции унификации судебной системы Российской Федерации, ее глобальные преобразования, не способствуют устранению проблем по повышению эффективности судебной власти в рамках ее деятельности как независимой и самостоятельной ветви государственной власти. Деятельность судов, по-прежнему оценивается обществом неоднозначно, что вполне отражает реальную картину: общество стремится видеть суд – совершенным, действующим с реальными полномочиями, отрегулированным механизмом защиты прав и законных интересов; судей – беспрекословными, беспристрастными, высококвалифицированными, справедливыми служителями фемиды и правопорядка.

Возникающие проблемы, в процессе развития судебной системы, укрепления ее стабильности, имеют определенную комплексность, противоречивость, сложность, многообразность. Для решения этих проблем, законодатель предложил ученым-практикам, правоведам, разработать меры унификации судебной системы: повысить доступность и качество правосудия, стабилизировать законодательное регулирование

судебной системы и ее устройства, устранить правовой нигилизм, нейтрализовать недоверие общества к судебной системе.

Концепция взаимоотношения и взаимодействия судебной системы с государственными органами власти проявляющаяся в специализированных формах, должна быть подчинена единому политико-правовому полю в государственном выполнении общесистемных целей и идей, их осуществление через правоприменение и нормотворчество, через унификацию действий соответствующих организационно-правовых механизмов законодательного регулирования устройства судебной системы. Выработанная концепция сотрудничества способна функционировать посредством детализации нормативно-правовой регламентации деятельности судов и государственных органов, в том числе с помощью предоставления и получения информации в системе межведомственного электронного взаимодействия.

В последнее время, большинство ученых-практиков считают, что судебная власть стала «замкнутой саморегулируемой системой», никому не подотчетной, освобожденной от какого-либо действенного контроля [6].

Концептуально, возникла необходимость выявить проблемы унификации судебной системы в современных условиях ее развития, исследовать предложения по реформированию судебной системы, предложить иной концептуально-унифицированный подход к модификации судебной системы Российской Федерации. Важно также проработать механизм реформирования системы качественной подготовки специалистов для судебной системы и их отбора для назначения на судебские должности. Аргументация таких изменений в порядок работы квалификационных коллегий судей, позволит привлекать к ответственности любого судью без конкретизации оснований, что в современной действительности сделать непросто. Предложенные меры будут способствовать увеличению открытости работы квалификационных коллегий, повышению роли независимых представителей общественности в их работе, введению иных мер дисциплинарного воздействия на судью (кроме замечаний и прекращений полномочий).

В контексте унифицирования судебной системы приобретает значимость рассмотрение вопросов развития института присяжных заседателей, расширение их юрисдикции [3]. Программа развития суда присяжных заседателей – это расширение полномочий использования данного института, организационная поддержка; усовершенствованный механизм процедурного отбора присяжных заседателей; позволит сформировать идею общественной важности участия граждан в работе

судов присяжных заседателей, поскольку вынесенные решения судом присяжных не могут быть подвержены влиянию организационных ограничений профессиональных судей и ведомственных интересов обвинения.

Изменение принципов назначения и осуществления полномочий председателей судов (выборы, ограничение срока пребывания в должности, введение обязательной ротации, запрет занимать должность повторно); освобождение председателей судов от организационно-хозяйственных функций, передав эти полномочия администраторам судов, не имеющим отношения к судопроизводству; внесение в процессуальное законодательство положений, по установлению в качестве обязательно-случайного механизм электронно-цифрового распределения дел в судах, позволит снизить организационную зависимость судей от председателей судов. Структурное выделение звена кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции также будет способствовать оптимизации судебной нагрузки, совершенствованию, иерархии построения судебной системы с учетом положительного опыта функционирования этих видов судов в арбитражной системе судов.

Все вышеперечисленные изменения привели к принятию закона о создании на территории Российской Федерации апелляционных и кассационных окружных судов общей юрисдикции [2]. В силу территориально-географических особенностей нашего государства оставление за мировыми судьями, районными судами и судами общей юрисдикции в субъектах Российской Федерации права рассматривать правовой спор по существу разумно и дает возможность каждому обращаться в суд по месту жительства. Однако оставление двух кассаций, а также надзорных полномочий у Верховного Суда перегружает судебную систему. Поэтому перераспределение нагрузки между звеньями судебной системы своевременно. Таким образом, судьи становятся не просто независимыми арбитрами, разрешаемых правовые конфликты по закону и совести, они включаются в механизм государственного контроля, упраздняя процедуру многоразового пересмотра вступивших в силу решений суда, не затягивая правосудие.

Концепция развития информатизации судов предполагает мероприятия по интеграции автоматизированных систем федеральных арбитражных судов в ГАС «Правосудие»[5]. С этой целью, разработан алгоритм выдачи электронных подписей судьям федеральных судов общей юрисдикции и работникам аппаратов судов. Предложено ввести в действие «Модуль распределения дел» программного комплекса ГАС

«Правосудие», автоматизировать процессы отображения информации о движении судебных дел и подготовке текстов судебных актов к размещению на официальных сайтах судов; разработать комплекс программ «Электронное хранилище судебных документов», как основной элемент программного комплекса «Судебное делопроизводство». Несмотря на все эти нововведения, сфера электронного правосудия остается до сих пор проблемной: не отрегулирован механизм подачи исковых заявлений от граждан и организаций в электронном виде, порядок размещения информации о рассмотрении дел в судах. Очевидно, что внедрение и широкое использование современных информационных цифровых и электронных технологий в деятельность судов требует их соответствующей настройки при неукоснительном соблюдении принципа доступности правосудия.

Резюмируя отметим, что современные тенденции унификации судебной системы в Российской Федерации, не исчерпывают всех проблем они также остаются сложными, многообразными и противоречивыми, в процессе унификации этой системы необходимо предположить иной концептуально новый подход в совершенствовании законодательства. Нормативно-правовое регулирование изменяющихся общественных отношений должно быть оперативным, стабильным, сочетаться с основами действующего законодательства. Без этих свойств невозможно повысить эффективность правовой культуры гражданского общества, интенсивность экономического развития, стабильность правоприменительной практики.

Перечисленные проблемы позволяют выделить основное направление унификации судебной системы: усилить роль Верховного Суда РФ и оставить за ним функции контроля в единообразном применении закона. Участие в пересмотре решений нижестоящих судов должно стать исключением, нежели правилом, и должно реализовываться в исключительных случаях, когда речь идет о серьезных нарушениях прав и свобод человека и гражданина.

Эффективность, качество, доступность, независимость, гласность, объективность, максимальную открытость и прозрачность правосудия можно добиться, через исследование и выявление недостатков судебной профессии, устранить их путем постоянного изучения, системного анализа, разработки методических рекомендаций и практических мер. Российская судебная система в современных реалиях продолжает оставаться в состоянии реформирования.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (дата обращения 07.09.2020)
2. Федеральный закон от 14.03.2002 N 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.06.2021).
3. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 06.02.2021)
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834 (дата обращения 04.09.2020)
5. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 02.06.2021)
6. Догайло Е.Ю., Носов С.И., Чепунов О.И. Проблемы совершенствования судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2019.- № 1. С. 28 – 31.
7. Теплая Н.В. Проблемы унификации построения судебной системы Российской Федерации // Экономика и социум: ежегодник. – Вып.2. – Волгоград: НИУ «Абсолют», 2020. – С. 10-15.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АВТОРИТЕТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АВТОРИТЕТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Кравцова Елена Александровна,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы повышения авторитета судебной власти, правового статуса судьи при практической реализации одного из главных принципов отправления правосудия, а именно принципа независимости. В частности поднимается вопрос о влиянии председателей судов на принимаемые судебные решения. В связи со сложившейся в мировом сообществе обстановке необходимым на сегодняшний день является усиление независимости судей. Для этого необходимо совершенствование законодательства в области реализации принципа независимости судей, увеличение прозрачности правосудия, его подконтрольность гражданскому обществу.

Ключевые слова: авторитет, судебная власть, судья, принципы, независимость, правосудие, правовой статус, гарантии, судебная власть, председатель суда.

ACTUAL PROBLEMS OF INCREASING THE AUTHORITY OF THE JUDICIARY

Kravtsova Elena Aleksandrovna

Abstract: The article deals with the actual problems of increasing the authority of the judiciary, of the legal status of a judge in the practical implementation of one of the main principles of the administration of justice, namely the principle of independence. In particular, the question is raised about the influence of the chairmen of the courts on the adopted court decisions. In connection with the current situation in the world community, it is necessary today to strengthen the independence of judges. For this, it is necessary to improve legislation in the field of implementing the principle of the independence of judges, increase the transparency of justice, and its control over civil society.

Key words: authority, judicial power, judge, principles, independence, justice, legal status, guarantees, judiciary, chairman of the court.

На сегодняшний день существует большое количество органов, которые осуществляют защиту прав и свобод человека и гражданина.

Однако главенствующее положение среди них занимает суд. Только суд обладает правом признания прав за гражданами, признания человека виновным в совершении преступления и установления истины по тому или иному делу. Тем самым, судебная власть является высшей формой защиты социальных интересов человека. Для обеспечения вынесения законного и справедливого решения по делу судьи наделяются различными гарантиями, но в то же время к кандидатам в судьи предъявляются строгие требования. Все в совокупности является платформой для создания беспристрастного, независимого и справедливого правосудия. А это в свою очередь должно способствовать поддержанию авторитета судебной власти в обществе. [1, с. 243]

На сегодняшний день ситуация с общественным мнением и доверием к судебной власти складывается весьма не благоприятно. Проведенные различными фондами опросы мнения граждан показывают высокий уровень недоверия граждан к судебной системе. По данным фонда ИНДЕМ, «67 % российских граждан выражают недоверие к существующей на сегодняшний день судебной системе и считают большую часть судей подкупными, 47% опрошенных считают вынесенные решения противоречащими принципу справедливости. Только 12% остались довольны работой судей и считают их честными и справедливыми». [2, с. 182]

Таким образом, предоставление определенных гарантий качественного осуществления деятельности по отправлению правосудия даст возможность для повышения доверия судебной власти в Российской Федерации. Для обеспечения всесторонней независимости и беспристрастности судебной власти государством предпринимаются соответствующие меры.

Так, глава государства не оставил данный вопрос без внимания. В январе 2017 г. был сформирован Перечень поручений № Пр-16 г. В пункте 7 этого документа предписано провести анализ действенности прописанных мер при отправлении правосудия. В соответствии с пунктом 7 Совет предложил принять конкретные меры [3] по данному вопросу, что получило широкое научное обсуждение. [4, с. 12]

Поэтому задача по укреплению независимости судей на сегодняшний день является первостепенной для государства в частности и общества в целом. Для этого необходимо последовательное совершенствование законодательства, в области реализации принципа независимости судей, прозрачности правосудия для населения.

Данный вопрос вызвал интерес не только с практической стороны,

но и нашел сторонников в теории. Так, Петухов Н.А., Ермошин Г.Т отмечают: «что на современном этапе развития судебной власти Российской Федерации проблема модернизации статуса судьи, особенно в части обеспечения его независимости приобретает особо важное значение». [5, с. 11]

Суть принципа независимости закреплена в статьях 9, 10 (и др.) Закона о статусе судей. То есть независимость выражается:

- 1) соответствующей процедурой осуществления рассмотрения дел;
- 2) невозможностью вмешательства извне в рассмотрение дел;
- 3) специальной процедурой отстранения от занимаемой должности;
- 4) предоставлением соответствующих особому правовому положению гарантий различного характера;
- 5) самостоятельностью в принятии решений без предварительного согласования и ознакомления.

Отдельно необходимо отметить, что выбор и назначение судей проходит в строго установленной законом форме.

Однако, несмотря на указанные гарантии и требования, строгое соблюдение различных предписаний, остается нерешенным ряд вопросов, подвергнутых критике, как с практической стороны, так и с теоретической.

Одним из таких является тесная взаимосвязь с исполнительной властью, а также внутренняя зависимость от председателей судов, в результате чего утрачивается смысл содержания принципа независимости.

Так на сегодняшний день все официальные и неофициальные вопросы внутри суда решаются председателями. С одной стороны это гарантирует невмешательство в процесс отправления правосудия и организационные моменты. С другой стороны, исходя из буквального толкования конституционного принципа независимости судей, превосходящее положение должны занимать органы судейского сообщества. [6, с. 137]

Тем самым есть ряд особенностей правоприменительной практики, которые искажают реализацию принципа независимости.

Во-первых, из сложившейся практики квалификационные коллегии, несмотря на отнесение к их компетенциям ряда вопросов (это и предписания по отбору кандидатов в судьи, и по формированию комиссии для сдачи квалификационных экзаменов, и по установлению квалификационных классов для действующих судей, и по наложению дисциплинарных взысканий, и по многому другому), не выносят решения без соответствующей инициативы.

Во-вторых, распределение судебной нагрузки также находится в

сфере полномочий председателя. Доктор юридических наук Н. А. Гущина в своей статье «Независимость судей как важнейшая гарантия усиления власти» говорит: «нередки случаи, когда судья, убежденный в правильности своего поведения в процессе осуществления правосудия, может оказаться полностью зависимым от руководства своего суда. Широкий круг полномочий председателя позволяет ему манипулировать ими, осуществляя в различных формах властное воздействие на судью. Пагубность такого негативного явления заключается в том, что формируется психологическое давление на независимого компетентного судью с целью изменения его модели судейского поведения. Такое давление может проявляться в неравномерном распределении нагрузки на судью: большой объем дел сложной категории будут поручены одному судье». [7, с. 96]

В тоже время председатели судов выносят на квалификационные коллегии вопросы о наказании судей, хотя по закону таким полномочиим обладают, в том числе коллективы судей, но на практике эта возможность не используется. [8, с. 112]

Председателям районных судов подконтрольна деятельность мировых судей через ряд организационных полномочий (утверждение графика отпусков, смены и т. д.). Также, председатель суда пишет характеристики мировым судьям при их повторном назначении на новый срок и при присвоении квалификационного класса, кроме того, с 2013 года председатель суда может передать часть поступивших мировому судье уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях одного судебного участка судье другого судебного участка или судье того же участка (при специальных условиях). [9, с. 282]

В совокупности всего выше указанного назрела необходимость в корректировке положений принципа независимости судей. Для увеличения доверия граждан к правосудию в целом и к судьям в частности необходимо усиление конституционного принципа независимости судей. В связи с этим, необходимо урегулировать вопрос с чрезмерным влиянием председателей судов на процесс отправления правосудия. Одним из решений рассмотренной проблемы может выступить предоставление права выбора председателей судов РФ самими судьями. А в случае недобросовестного выполнения своих обязанностей либо предвзятого отношения к членам коллектива соответствующего суда, председатель может быть отстранен от должности по решению данного суда путем тайного голосования входящих в его состав судей. Это может стать предпосылкой для предотвращения излишнего администрирования и

гарантом обеспечения принципа независимости.

Кардинальной мерой по опыту зарубежных стран, в случае неэффективности предложенных мер, может стать реорганизация института председателей. Во многих странах суды не имеют председателей (президентов), а работают как коллектив равных, без руководителя.

Так же немаловажной проблемой сегодня выступает отсутствие должной защиты жизни и здоровья судей, так как, принимая судьбоносные решения, всегда остаются недовольные граждане. В результате чего судьи и члены их семей из-за особого правового статуса превращаются в потерпевших. На страницах газет и в средствах массовой информации постоянно фигурируют новости о нападениях, угрозах и убийствах представителей судебной власти. [10]

В связи с этим, необходимо пересмотреть вопрос обеспечения должной защиты жизни и здоровья судей и членов их семей, правоохранительным органам разработать ряд дополнительных мер по защите судей. Так как данная гарантия напрямую связана с соблюдением принципа независимости. Судья только тогда сможет независимо и беспристрастно принимать решения, когда будет спокоен за сохранность своей жизни и жизни своей семьи.

Список использованных источников:

1. Кутуков А.Д. Конституционные принципы независимости и несменяемости судей как основа правового статуса судьи Российской Федерации // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — С. 243-245.
2. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. — 2015. - № 8. — С. 182.
3. Предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека о мерах по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия от 3 августа 2017 г. - URL: http://www.advpalatanso.ru/docs/topnews/20170809/predlojenie_spch_po%20reforme.pdf. (дата обращения 03.09.2020)
4. Колоколов Н.А. Судебная власть: предложения Совета при Президенте России // Мировой судья. - 2017. - № 12. - С. 11-17.
5. Петухов Н.А., Ермошин Г.Т. Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Российская юстиция. - 2013. - № 3. - С. 11.
6. Смирнов А.В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и процесса в свете положений российской Конституции и международного права // Российский юридический журнал. - 2011. - № 2. - С. 137.
7. Гуцина Н.А. Независимость судей как важнейшая гарантия усиления власти // Современное право. - 2015. - № 4. - С. 91–97.

8. Корнус Н. С. Проблема реализации принципа независимости судей // Молодой ученый. — 2018. — № 12 (198). — С. 111-113
9. Клеандров М.И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие. - М.: Норма: Инфра-М, - 2014. - С. 282-283.
10. Убийства и покушения на представителей судебной системы РФ. РИА НОВОСТИ. - URL: http://www.rian.ru/pravo_spravki/20100412/221323975.html. (дата обращения 03.09.2020)
-

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РАЗРАБОТКИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРАВА**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ МИРОВЫХ СУДОВ)

*Бочарова Наталья Николаевна,
ст. преподаватель кафедры процессуального права
ЮРИУ РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация:** Целью реформирования судебной системы является повышение качества правосудия и эффективности судебной власти, укрепление и защита независимости судебной власти, а также принятие мер по повышению уровня ее ответственности и подотчетности. Все это присуще и мировой юстиции, роль и значение которой в судебной системе постоянно подвергается изменению, что исследовано на примере рассмотрения уголовных дел мировыми судами.*

***Ключевые слова:** реформа, мировой суд, районный суд, частное обвинение, подсудность*

THE MAIN DIRECTIONS OF THE REFORM OF THE JUDICIAL SYSTEM AT THE PRESENT STAGE (ON THE EXAMPLE OF MAGISTRATES COURTS)

Natalia N. Bocharova

***Abstract:** The aim of the reform of the judicial system is to improve the quality of justice and the effectiveness of the judiciary, to strengthen and protect the independence of the judiciary, and to take measures to increase its responsibility and accountability. All this is inherent in the justice of the peace, the role and importance of which in the judicial system is constantly changing, which is studied by the example of the consideration of criminal cases by magistrates' courts.*

***Keywords:** reform, magistrate's court, district court, private prosecution, jurisdiction*

Мировая юстиция, являясь частью судебной системы РФ, рассматривает и уголовные дела. В связи с задачами ее создания в России установлена определенная подсудность уголовных дел, закрепленная ст. 3 Федерального закона от 17.12.1998 N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» и ч. ст. 31 УПК РФ.

С 07.01.2019, в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2018 № 509-ФЗ, районным судам для рассмотрения были переданы дела

частного обвинения по ст. 116.1 УК РФ и дела о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (264.1 УК РФ), создав дополнительную нагрузку районным судам.

Учитывая, что передача по данным Судебного департамента при ВС РФ более чем 80 тыс. уголовных дел может быть противопоставлена основным задачам создания мировой юстиции, данный факт подлежит подробному рассмотрению.

Институт обвинения, подразделяясь на частный, частно-публичный и публичный виды, является одним с ключевых и фундаментальных в уголовном процессе. Каждый из видов обвинения различен с другими, и более всего отличий вообрало в себя частное обвинение. Такое положение, как верно отмечает М.Ю. Жирова, связано в первую очередь со специфическим порядком судопроизводства (возбуждение уголовного дела путем подачи заявления потерпевшим мировому судье, отсутствие стадии предварительного расследования, поддержание обвинения в суде непосредственно потерпевшим или его представителем), но и с особым порядком доказывания [1].

Указанные отличия и стали "камнем преткновения" и основанием для официальных позиций органов государственной власти к постепенному уходу от судопроизводства в рамках частного обвинения. Так, председателем Верховного суда Российской Федерации Вячеславом Лебедевым, на пленарном заседании совета судей, а также на всероссийском совещании судей была высказана следующая позиция: "В этой связи предлагается вопрос об упразднении процедуры частного обвинения и отнесении уголовных дел о нанесении побоев, умышленном причинении легкого вреда здоровью и клевете к категории уголовных дел частного-публичного обвинения, по которым будет проводится дознание – это позволит освободить потерпевших от бремени сбора доказательств" [2].

Продемонстрированные проблемы частного обвинения действительно имеют место быть. Анализируя вопросы судопроизводства по данному виду обвинения, следует обратиться к статистике. Согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ делами частного обвинения признаются уголовные дела о преступлениях предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ст. 128.1 УК РФ и, за исключением ст. 116 УК РФ, относятся к подсудности мировых судей. Согласно обзору судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ по составам частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 до изменения подсудности ФЗ-509 от 27.12.2018, а то есть до 07.01.2019), ст. 128.1 УК РФ) на судебные участки мировых судей поступило 12.5 тыс. материалов

из правоохранительных органов, из которых 0.6 тыс. были приняты к производству, а напрямую в мировой суд с заявлениями по рассматриваемым делам поступило 7.5 тыс. заявлений, из которых к производству было принято 1.7 тыс. [3]

Коренными основаниями, ввиду которых мировыми судьями не принимаются к производству материалы из правоохранительных органов, является законодательная регламентация ст. 318 УПК РФ, в соответствии с которой потерпевший должен обращаться с заявлением непосредственно в суд, если только он не является лицом, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и интересы.

Однако, как видно из приведенной статистики, действие потерпевшего согласно приведенной норме закона не является гарантией принятого к производству заявления. Существование данных обстоятельств обусловлено непрофессионализмом субъекта уголовного судопроизводства в лице потерпевшего, который не может определить территориальную подсудность уголовного дела и составить заявление учитывая требования нормативно-правовых актов, что является одними из самых распространенных оснований для возвращения заявления. Учитывая сложившуюся обстановку, потерпевшим часто рекомендуется обращаться к профессиональному защитнику, адвокату, который может соблюсти все регламентационные и бюрократические тонкости для успешного принятия заявления судом, что не всегда возможно ввиду, например, материальных проблем лица, в отношении которого совершено преступление.

Проблематика доказывания по делам частного обвинения вытекает из отсутствия стадии предварительного расследования и законодательно возложенным бременем сбора доказательств на потерпевшего. В приведенной Судебным департаментом при ВС РФ статистике указывается, что мировыми судьями за 2019 год по делам частного обвинения было оправдано 1.0 тыс. лиц, что составляет 84,6 % всех оправдательных приговоров, вынесенных мировыми судьями. Данная статистика, по нашему мнению, показывает невозможность потерпевших вследствие упомянутых обстоятельств, таких как невозможность нанять квалифицированного защитника лица, в отношении которого совершено преступление, осуществить должным образом сбор доказательств, а также субсидирует нежелание судебных органов осуществлять помощь в собирании доказательств.

Возможно, в поиске решения заявленной проблематики законодателем рассмотрены достаточно острых дел по ст. 116.1 УК РФ и

были переведены в подсудность районных судов, однако может ли это решить проблему, не порождая новые?

Для ответа на данный вопрос следует обратиться к целям создания мировой юстиции, которая изначально должна была рассматривать дела частного обвинения. На современном этапе развития уголовного процесса в сфере разбираемой категории дел интересны две цели создания мировых судов – облегчение доступа граждан к правосудию и разгрузка районных судов общей юрисдикции. Тем не менее, законодатель, в рамках реформы дел, подсудных мировым судьям, все дальше уходит от этих целей, так все чаще сокращаются гражданские дела, отведенные для рассмотрения мировыми судьями, в 2018 году принятым ФЗ-509 от 27.12.2018, такая участь постигла и дела частного обвинения, когда судопроизводство по ст. 116.1 УК РФ была передана под юрисдикцию районных судов.

Указанную позицию невозможно назвать верной, в первую очередь наблюдается дополнительная нагрузка на районные суды, что не является обоснованным. При современной загрузке районных судов, а также их отдаленности (в сравнении с мировой юстицией) от населения трудно ожидать, что вся установленная выше проблематика будет устранена в районном суде. Районный суд также не заинтересован осуществлять за потерпевшего сбор доказательств, вести разъяснения по заполнению подаваемых заявлений.

Таким образом, более верным подходом, по нашему мнению, является не радикальное искоренение частного обвинения, а наоборот, предоставление его в руки мировой юстиции и законодательное установление выбора потерпевшим органа для подачи заявления, будь то правоохранительные органы, которыми будет осуществлен сбор доказательств и передадут дело в суд, либо напрямую мировой судья, если потерпевший сам осуществил сбор доказательств и готов осуществлять обвинению в состязательном порядке. Именно полный пересмотр и реформация частного обвинения является выходом из сложившейся ситуации, а не радикальный отказ от данного вида уголовно-процессуального института.

Не следует оставлять без внимания и факт изменения подсудности дел о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ.

Согласно уже приведенной статистике, за 2018 год в районные суды поступило 17,9 тыс. дел о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а в 2019 уже 83,1 тыс. дел. Резкое повышение количества поступивших дел указанной категории - в 4,6 раза – создало

предпосылки для передачи Судебным департаментом дел по ст. 264.1 УК РФ в подсудность районных судов.

Данное решение было утверждено законодателем в 27.12.2018 и идет вразрез с уже упоминавшимися задачами и целями создания мировых судей, более того на данный момент не дается четкого объяснения такой регламентации. Так, ст. 264.1 УК РФ является по своей сути административной преюдицией, налагающая ответственность за совершение преступления лицом уже подвергнутым административной ответственности ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ. Названные статьи КоАП РФ относятся законодательством к подсудности мировых судей, сложностей с рассмотрением, как указанных административных правонарушений, так и уголовных у мировых судей за большое количество времени не возникало.

Вместе с тем, сама по себе административная преюдиция и ее существование часто подвергается критики правоведов, в том числе в плане общественной опасности, которая, как мы считаем, не зависит от фактора количества совершенных лицом преступлений.

Таким образом, учитывая, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ, не являются сложными, относятся к числу правонарушений приближенных к населению, не требуют от судьи более расширенной профессиональной практики, по нашему мнению, определение подсудности законодателем дискуссионно и требует повышенного внимания.

Список использованных источников:

1. *Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения // Вестник СамГУ. 2011. № 85.*
 2. *Куликов В. Полиция сможет расследовать дела по нетяжкому семейному насилию // Российская газета. – 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/13/policiia-smozhet-rassledovat-dela-po-netiazhkomu-semejnomu-nasiliiu.html> (Дата обращения 27.05.2021)*
 3. *Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Судебный департамент при Верховном суде РФ. — 2020. — 111 с.*
-

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Донская Ольга Геннадьевна

Доцент кафедры уголовного права

кандидат юридических наук

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный

университет правосудия»,

г. Ростов-на-Дону, Россия

Москалева Елена Николаевна,

Старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный

университет правосудия»

***Аннотация:** В настоящей статье проведено исследование правовой природы института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания с применением принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как альтернатива лишению свободы. Авторами проанализированы имеющиеся теоретические позиции относительно рассматриваемого вопроса и высказано собственное мнение.*

***Ключевые слова:** уголовный закон, несовершеннолетний, принудительная мера воспитательного воздействия, учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, наказание.*

COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES AS AN ALTERNATIVE TO DEPRIVATION OF LIBERTY IN RELATION TO MINORS IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Donskaya Olga Gennadievna

Moskaleva Elena Nikolaevna

***Abstract:** This article examines the legal nature of the institution of the release of minors from criminal punishment with the use of a compulsory measure of educational influence in the form of placement in a special educational institution of a closed type as an alternative to imprisonment. The authors analyze the existing theoretical positions on the issue under consideration and express their own opinion.*

Keywords: criminal law, minor, compulsory measure of educational influence, closed educational institution, punishment.

Одним из основных проявлений уголовно-правового гуманизма в законодательстве России, являются провозглашенные уголовным законом особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

Реальная ситуация с привлечением несовершеннолетних к уголовной ответственности и уголовному наказанию обстоит таким образом, что правоприменитель, исходя из характеристик личности несовершеннолетнего и степени тяжести совершенного им преступления, по собственному усмотрению вправе привлечь его к уголовной ответственности и назначить наказание, освободить его от уголовной ответственности и применить принудительные меры воспитательного характера, освободить его от наказания в виде лишения свободы с применением к нему меры воспитательного воздействия в виде помещения в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

В рамках реализации института назначения несовершеннолетним наказания, правоприменитель наделен реальной возможностью избрать такие меры уголовно-правового воздействия на несовершеннолетнего, которые с одной стороны способны оказать максимальное воспитательное воздействие, а с другой, сохранить несовершеннолетнего в качестве полноценного члена общества.

В России в последние годы значительно расширился перечень видов наказания, не связанных с реальной изоляцией осужденного от общества. В том числе расширен перечень наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним. К относительно новым видам наказания для несовершеннолетних относятся ограничение свободы и обязательные работы, которые в настоящее подлежат широкому применению. Также весьма распространено назначение в виде наказания штрафа и исправительных работ. С учетом наличия реальной альтернативы лишению свободы доля несовершеннолетних, которым назначено наказание не связанное с изоляцией от общества в последние годы составляет более 80% от общего количества осужденных. [1. с.307]

Снижение количества несовершеннолетних, которым назначается наказание в виде лишения свободы, логично привело к сокращению количества воспитательных колоний за последние 10 лет в 3 раза.

Государством предусмотрены альтернативные меры воздействия на несовершеннолетнего, совершившего преступление, которые являются особенностью их уголовной ответственности.

Меры воспитательного воздействия могут применяться к несовершеннолетним с освобождением от уголовной ответственности в соответствии со ст. 90 УК РФ, а также в качестве альтернативы лишению свободы на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ с помещением в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

На практике мера воспитательного воздействия, предусмотренная ч. 2 ст. 92 УК РФ применяется крайне редко. По данным Управления судебного департамента при Верховном суде РФ количество несовершеннолетних, которым в качестве альтернативы лишению свободы назначено содержание в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа в год составляет порядка 2,5% от общего числа несовершеннолетних осужденных.¹ Обычно суды предпочитают назначить условное лишение свободы, которое, внешне несет значительно меньший репрессивный заряд.

Однако такой подход не может быть обоснованным по двум причинам: во-первых условное осуждение является по своей правовой природе наказанием, то есть влечет установленные законом последствия вплоть до его отмены; во-вторых условное осуждение не обеспечивает должного воспитательного воздействия за счет отсутствия реального контроля за поведением несовершеннолетнего и индивидуальной профилактической работы.

Относительно правовой природы освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа существует несколько научных мнений.

Одни ученые полагают, что эта мера относится исключительно к педагогическим мерам, поскольку освобождение от уголовного наказания автоматически прекращает уголовно-правовую юрисдикцию [2. с. 132]. Однако, по нашему мнению, принудительный характер, присущий мерам воспитательного воздействия, не позволяет рассматривать их исключительно с точки зрения педагогики.

Другие исследователи утверждают, что мера, предусмотренная ч.2 ст. 92 УК РФ не является юридической ответственностью, поскольку она не во всех случаях вытекает из факта совершения преступления, а может применяться и до совершения преступления [3.с.17]. Не можем согласиться и с приведенной позицией. Мера принудительного характера в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=1>

типа применяется в соответствии с судебным актом, а поводом для ее применения является совершение деяния, запрещенного уголовным законом, либо иная форма угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Некоторые ученые полагают, что принудительная мера, закрепленная в ч.2 ст. 92 УК является самостоятельным видом уголовной ответственности, применяемая к несовершеннолетним[4. с. 178] и даже самостоятельным видом уголовного наказания[5. с. 523]. Несмотря на наибольшую карательную силу, по нашему мнению, приравнивать меру воспитательного воздействия к мерам уголовного наказания не верно, ввиду различных целей, задач, а также правовых последствий применения.

Особенность меры воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа заключается в том, что такая мера может применяться не только к несовершеннолетним, совершившим преступление и освобожденным от наказания в виде лишения свободы с назначением принудительной меры, но и в случаях, когда несовершеннолетний еще не совершил преступления, но проявляет признаки девиантного поведения, либо в случае совершения преступления в возрасте до 14 лет. То есть основанием ее применения являются не только запреты установленные уголовным кодексом РФ, что еще раз подтверждает несостоятельность приведенной выше позиции отнесения рассматриваемой меры воспитательного воздействия к видам уголовного наказания.

Более того, положения, касающиеся специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, закреплены в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 N 120-ФЗ, которым определены основные задачи их деятельности. Эти задачи не идентичны задачам уголовного закона. В частности к ним отнесены предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям. Лица, содержащиеся в таких учебно-

воспитательных учреждениях не являются осужденными, а именуются объектами профилактического воздействия.

Мы склонны согласиться с высказанным мнением, что по своей правовой природе принудительные меры воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа относятся к формам государственного принуждения[6.с.12]. Такая позиция справедлива, поскольку мера, предусмотренная ч. 2 ст. 92 УК РФ относится к разновидности социального принуждения, применяемой к лицу специально уполномоченными государственными органами вне зависимости от его воли в связи с совершением им каких либо действий, противоречащих государственным запретам, при этом эти меры обладают специфическими целями и задачами, а также могут быть применены к обозначенной законом особой категории лиц.

Статьей 92 Уголовного кодекса РФ установлены условия применения к несовершеннолетнему в качестве альтернативы лишению свободы помещения в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. К таким условиям относятся:

- преступление, совершенное несовершеннолетним, должно относиться к преступлениям средней тяжести или тяжким, за исключением преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ;
- несовершеннолетнему должно быть назначено наказание в виде лишения свободы по приговору суда;
- несовершеннолетний должен нуждаться в особых условиях воспитания, обучения и требовать специального педагогического подхода.

Возможности данного вида освобождения от наказания были расширены в 2003 году. Законодатель, внося изменения в УК РФ, предусмотрел возможность его применения к несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления. Однако законодатель исключил возможность его применения в случае совершения преступления небольшой тяжести.

Не смотря на критику указанной законодательной позиции[7.с.92], считаем ее обоснованной. Назначение несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой тяжести, лишения свободы по действующему закону практически не возможно и применяется в исключительных случаях. При этом помещение несовершеннолетнего в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является наиболее строгой из предусмотренных законом мер воспитательного воздействия, занимает обособленное место среди этих мер, и его применение к

несовершеннолетним, совершившим деяния, не причинившие значительного ущерба охраняемым законом интересам, противоречит уголовно-правовым принципам гуманизма и справедливости.

Интересно, что наказание в виде лишения свободы, назначенное приговором суда, в данном случае носит номинальный характер. Законом не предусмотрена отмена принудительной меры воспитательного воздействия по каким либо основаниям с последующим отбыванием несовершеннолетним наказания, назначенного приговором суда.

Принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение, по сути, схожа с наказанием в виде лишения свободы. Лицо, подвергнутое эти мерам, содержится в условиях изоляции от общества, соблюдает ограничения и требования режима и т.д. Однако, учебно-воспитательные учреждения осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании и иными актами, регулирующими деятельность государственных органов по оказанию помощи несовершеннолетним, склонным к девиантному поведению.

Считаем, что применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия является действенной и эффективной мерой воздействия на несовершеннолетних осужденных. Во-первых несовершеннолетний находится в условиях при которых вовлечение его в образовательный процесс и оказание ему социально-психологической помощи является основной задачей. Во-вторых, он лишен возможности совершения новых противоправных действий.

Положительное воздействие предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ принудительной меры воспитательного воздействия на осужденных также проявляется при исследовании уровня рецидива, который среди лиц, в отношении которых была применена принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, составляет не более 14% [8. с.131]. При этом рецидив среди условно-осужденных несовершеннолетних составляет более 75%, рецидив преступлений при применении мер наказания, не связанных с лишением свободы также достаточно высок.

Таким образом, принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа имеет большее исправительное и воспитательное воздействие на несовершеннолетнего преступника, нежели наказания, не связанные с лишением свободы. По этому поводу в науке даже высказывается мнение о целесообразности исключения из УК РФ видов

наказания для несовершеннолетних, не связанных с лишением свободы ввиду их не эффективности и введения новых мер воспитательного воздействия[1. с.312]. Мы не разделяем мнение о необходимости столь кардинальных мер, поскольку наказание и принудительные меры воспитательного воздействия по своей правовой природе являются различными правовыми институтами и не могут подменять друг друга, однако считаем необходимым более тщательную дифференциацию при назначении уголовного наказания несовершеннолетним.

На практике излишняя и зачастую не обоснованная гуманность к преступнику, особенно несовершеннолетнему, приводит к предоставлению последнему возможности совершения многочисленных преступлений до момента понесения им реальной меры наказания. Такое положение ставит под сомнение эффективность уголовно-правовых норм и их соответствие задачам уголовного закона.

Список использованных источников:

1. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление// *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 2.
 2. Мелешко, Н.П. Проблемы совершенствования уголовного законодательства России с учетом международного опыта / Н.П. Мелешко // *Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. Ломоносова, 29-30 мая 2003 г.* – М.: ЛексЭст, 2004.
 3. Егоров, В.С. Понятие, признаки и цели уголовного принуждения: учеб. пособие / В.С. Егоров; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008.
 4. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / под ред. В.А. Андриенко, Ю.Е. Пудовочкина, И.П. Лесниченко, П.В. Разумова. – М.: Юрлитинформ, 2006.
 5. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999.
 6. Шевелева С.В. Правовая природа принудительных воспитательных мер по Российскому уголовному законодательству// *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы*. 2012. № 2
 7. Скрипченко Н.Ю. Специальные виды освобождения от наказания несовершеннолетних: современное правовое регулирование и перспективы совершенствования.// *Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2013. №.1
 8. Терентьева В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа. Кемерово. 2011.
-

К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Донская Ольга Геннадьевна

Доцент кафедры уголовного права

кандидат юридических наук

Ростовский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет

правосудия»,

г. Ростов-на-Дону, Россия

***Аннотация:** В настоящей статье приведен авторский анализ конкуренции принципов уголовного права, который проявляется в процессе назначения уголовного наказания, а также проблемы теоретического и практического характера, связанные с их реализацией.*

***Ключевые слова:** уголовный закон, принципы, законность, гуманизм, справедливость, равенство всех перед законом, вина, конкуренция принципов.*

ON THE ISSUE OF COMPETITION OF CRIMINAL-LEGAL PRINCIPLES IN SENTENCING

Donskaya Olga Gennadievna

***Abstract:** This article presents the author's analysis of the competition of the principles of criminal law, which is manifested in the process of assigning criminal penalties, as well as problems of a theoretical and practical nature associated with their implementation.*

***Keywords:** criminal law, principles, legality, humanism, justice, equality of all before the law, guilt, competition of principles.*

Уголовный закон в России базируется на провозглашенных основополагающих началах, которые определяют его основные концепции и направления. Такие начала именуются принципами и в большинстве своем отражают и конкретизируют Конституционные принципы, адаптируя их под запросы уголовного права.

Принципы, по общей идее, являются общеобязательными и равнозначными, они соответствуют общей направленности права в государстве и уголовную политику государства в целом, а также отражают основные идеи борьбы с преступностью и соблюдения прав личности в процессе осуществления этой борьбы. Принципы уголовного права, по мнению Бойко А.И., цементируют частные предписания [1. стр.41], то

есть обладают статусом генеральных директив по отношению к иным положениям уголовного закона.

Явившись новеллой действующего уголовного закона, принципы получили не просто свое центральное место и главенствующую роль, но и перешли в категорию устоявшихся догм, не подвергавшихся изменениям за весь период действия УК РФ 1996 года. С учетом отсутствия статичности уголовного права, сам факт устойчивости уголовно-правовых принципов позволяет говорить об их авторитете, незыблемости и фундаментальности.

Провозглашенные идеи, отраженные в принципах уголовного права, несут в себе безусловный положительный заряд, обязывая правотворца учитывать их требования при внедрении новых положений кодекса. Приведенные принципы взаимосвязаны и взаимообусловлены, они образуют систему, не приемлющую исключение какого-либо из звеньев. Однако на практике не редко возникают ситуации доминирования одного уголовно-правового принципа в ущерб другому, о чем и пойдет речь в настоящей работе.

Уголовным законом в статьях 3-7 дан перечень уголовно-правовых принципов. К ним отнесены законность, равенство всех перед законом, принципы вины, справедливости, гуманизма.

Принцип законности, провозглашенный в статье 3 УК РФ, служит базой и постаментом для развития всего уголовного законодательства России [2. стр.61]. Он конкретизирует Конституционные положения, разработанные на базе основных международно-правовых актов.

Законность, по своей сути, является основным гарантом правового режима в государстве. В рамках уголовного права законность ограничивает правоприменителя в применении уголовной репрессии только теми деликтами, которые закреплены в УК РФ. То есть действия, которые не признаны противоправными уголовным кодексом не могут идентифицироваться в качестве преступления, и не влекут уголовного наказания, а преступность и наказуемость деяния должна базироваться исключительно на нормах уголовного закона. Однако до настоящего времени существует ряд бланкетных диспозиций, отсылающих правоприменителя к нормам иных законов.

Требования уголовно-правовой законности дублируются и в определении понятия преступления, данного в ст. 14 УК РФ. Постепенно устраняются уголовно-правовые нормы, противоречащие ст. 3 УК РФ.

Законность проявляется не только в наказуемости конкретного деяния, но и в процессе назначения уголовного наказания в соответствии с

санкцией статьи особенной части УК РФ, с учетом положений общей части УК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что именно принцип законности является неформально основным и главенствующим в системе принципов уголовного права. Его преимущественное положение проявляется не только в правотворческой деятельности, но и, зачастую в правоприменительной в процессе назначения уголовного наказания. Такая ситуация нормальна и обоснованна, поскольку режим законности и реальность его применения определяет ценность права в государстве [3. стр.44].

В пользу приведенной позиции говорит анализ текста ст. 6 УК РФ, конкретизирующей принцип справедливости в уголовном праве. Исходя из текста, уголовно правовая справедливость ограничивается рамками закона и назначение наказания, выходящего за пределы закона, как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения автоматически является не только не справедливым, но и не законным.

Усмотрение суда при назначении уголовного наказания минимизировано и максимально сужено. Оно ограничивается санкцией статьи особенной части уголовного закона с учетом положений общей части. Таким образом, ограничение уголовно-правовой справедливости законностью фактически привели к дублированию положений ст. 60 УК РФ, то есть сузило его до общих начал назначения наказания.

Уголовно-правовая справедливость деформирована в специальную форму «социальную справедливость». Она ориентирована не на личность отдельного субъекта преступления, а на общественное сознание в целом [4, с.25].

Однако, в России принцип уголовно-правовой справедливости, конкурируя с законностью, фактически не имеет реального применения. Попирается само понятие справедливости, которое в большей степени является категорией философской и моральной. При этом вопроса о справедливости самого уголовного закона не стоит. Справедливость подчинена нормам уголовного закона, действующим в конкретный временной промежуток. А с учетом переменчивости уголовного закона, возникает ситуация, при которой фундаментальный принцип справедливости зависим и подчинен относительно не стабильному уголовному законодательству.

Принцип равенства всех перед законом, закрепленный в ст. 4 УК РФ является еще более дискуссионным в научном сообществе. Такое положение связано с наличием значительного количества норм Особенной

части уголовного закона, которые по своей сути противоречат принципу равенства всех перед законом как фактически, так и юридически.

Примером такого уголовно-правового «неравенства» служат нормы, касающиеся особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, особенности назначения наказания лицам пенсионного возраста, особенности назначения и исполнения уголовного наказания в отношении женщин, особенности привлечения к уголовной ответственности особых категорий лиц, определенных уголовно-процессуальным кодексом, иностранных граждан и лиц, обладающих иммунитетом.

Таким образом, исходя из существующих норм закона, мера наказания, назначаемая виновному, находится в прямой связи с его полом, возрастом, а в некоторых случаях и с гражданством и социальным положением. То есть прямо противоречит принципу равенства.

Теория права объясняет наличие противоречий норм права приоритетом применения принципа гуманизма, который запрещает назначение наказания, причиняющего физические страдания осужденному. То есть наказание, назначаемое мужчинам в возрасте от 18 до 65 лет, может причинить страдания несовершеннолетним и женщинам. Соответственно в данном случае мы видим конкуренцию уголовно-правовых норм, приводящую к игнорированию принципа равенства всех перед законом. Такое положение противоестественно, оно разрывает связь между правом и равенством [5, с. 17].

Но и с самим принципом гуманизма ситуация обстоит весьма не однозначно. Гуманизм уголовного закона проявляется в двух направлениях. С одной стороны он провозглашает обязанность государства обеспечивать безопасность обществ. Логично указать, что в данном случае речь идет о безопасности общества от преступных посягательств. С другой стороны принцип гуманизма говорит о цели уголовного наказания. Точнее о том, что его целью не должно быть причинение осужденному физических страданий, либо унижение его достоинства.

То есть данным принципом запрещается именно наличие специальной цели и умышленных действий, направленных на причинение физических страданий при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера, но не провозглашается защита личности от физических страданий и унижения достоинства в процессе исполнения наказания.

Принцип гуманизма закрепляет в уголовном законе требования международных актов, касающихся прав граждан. В частности, к таким актам относится провозглашенная Организацией Объединенных Наций «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», провозгласившая недопустимым применение пыток, и других бесчеловечных, жестоких видов обращения и наказания.

Обладая максимально позитивным зарядом, принцип гуманизма с одной стороны в значительной степени ограничен законностью и специальной уголовно-правовой справедливостью, а с другой, фактически приобрел статус нормы, оправдывающей отсутствие равенства, что было описано выше.

Гуманизм к конкретному лицу не может противоречить закону. Соответственно, даже при наличии обстоятельств, при которых лицо более остро, нежели иные лица, воспринимает силу уголовной репрессии, наказание должно быть назначено в соответствии с принципами законности и справедливости.

Принцип вины в уголовном праве с одной стороны находится в тесной взаимосвязи с принципом законности, с другой базируется на принципе равенства всех перед законом. Однако равенство, относящееся к виновности, определяет обязанность каждого субъекта, виновного в совершении преступления, понести уголовное наказание, кем бы он не являлся [6. с. 51]. Таким образом, являясь самостоятельным принципом уголовного права, принцип вины фактически реализуется через принцип равенства, провозгласившего обязательное претерпевание лицом, совершившим преступление, уголовно-правовых последствий.

Проведенный анализ свидетельствует о ряде существенных проблем теоретического и практического характера. Эти проблемами вызваны приоритетным положением одних уголовно-правовых принципов по отношению к другим. В частности это относится к приоритету принципа законности в системе принципов уголовного права, которое оправдывает применение любых мер, установленных уголовным законом, не зависимо от их соответствия иным принципам уголовного права. Также следует отметить существующую подмену понятий законности и справедливости, при которой справедливость фактически поглощена законностью. И особую роль, занимает конкуренция принципов равенства и гуманизма в пользу последнего.

Считаем, что законодатель пошел по не верному пути, фактически деформировав суть принципов из генеральных директив, образующих

фундамент права в мобильный инструмент, адаптирующийся к изменениям, вносимым в уголовный закон.

Список использованных источников:

1. Бойко, А. И. Принципы уголовного права и уголовная политика / А. И. Бойко // Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. – М. : ПРИОР, 1999. – С. 40–61.
 2. Малыгина М.А. Принцип законности в системе принципов уголовного права// Юрист-правовед №1.2005. (стр.61-64)
 3. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть / А. В. Наумов. Курс лекций. М.: БЕК, 2013. 455 с.
 4. Чепрасов Ю.В. Соотношение понятий «справедливость» и «нравственность» в современном уголовном праве.// В зеркале права -2020. Сборник статей. Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк. 2020. С.25-29
 5. Зубакин В. Ю. Место и значение принципа равенства перед законом и судом в системе принципов правового государства // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3.
 6. Иванов, Н. Г. Парадоксы уголовного закона / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 1998. – № 3
-

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ) СООТНОШЕНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ В ДОПРОСАХ

Заиляпин Леонид Александрович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права,

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия,

Санкт-Петербург, России

Аннотация: Регулирование вопросов в допросах в гражданском и уголовном процессах (при их сравнении между собой и с положениями Конституции) допускает передачу приоритета вопросов в допросе в гражданском процессе от судьи к сторонам и наполнение институтом вопросов (как в гражданском процессе) правил объяснений участников в уголовном процессе, имеющих личный интерес.

Ключевые слова: гражданский процесс, уголовный процесс, допрос, вопросы.

INTERSECTORAL (INTERDISCIPLINARY) THE RATIO OF THE REGULATION OF QUESTIONS IN INTERROGATIONS

Leonid A. Zashlyapin

Annotation: *The regulation of questions in interrogations in civil and criminal proceedings (when compared with each other and with the provisions of the Constitution) allows for the transfer of the priority of questions in interrogation in civil proceedings from the judge to the parties and the filling of the institute of questions (as in civil proceedings) rules for explaining participants in criminal proceedings who have a personal interest.*

Keywords: *civil procedure, criminal procedure, interrogation, questions*

Введение. Российской науке предложено укрупнить научные специальности [1, с. 144]. Это подразумевает некоторое сближение отраслей. Одновременно развивается идея о том, что междисциплинарные исследования способствуют появлению нового научного знания, развитию отечественной науки в целом. Связано это, скорее всего, с тем, что каждая отдельная дисциплина (для нас это – «гражданский процесс» и «уголовный процесс») имеет устоявшиеся границы своих объектных областей, ревностно оберегаемые авторитетными учеными – верхами иерархии научной специальности, сформированные традиции (порой это не научные методы) получения результата, что препятствует возникновению нового знания. При этом соприкосновение отраслей (дисциплин), возникающий в пограничных областях эффект междисциплинарности, может быть серьезным фактором новизны [2, 130].

Настоящая статья представляет дискуссионное исследование объектных областей наук гражданского и уголовного процессов, обычно формирующих обособленное предметное знание (содержание дисциплин), касающееся регулирования вопросов в допросах. Поводом является то, что в обеих отраслях присутствует институт допроса и обе научные дисциплины допускают наличие внутри них предметного знания о правилах формулирования и использования вопросов в допросах.

Несмотря на указанное выше, межотраслевое рассмотрение проблематики вопросов как элементов допросов в уголовном и гражданском процессах имеет некоторые препятствия:

– производство процессуальных действий в гражданском судопроизводстве (использование вопросов в допросах) следует принципу законности (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации — далее ГПК);

– осуществление процессуальных действий в уголовном судопроизводстве (оперирование вопросами в допросах) также базируется на основе принципа законности (ч. 1 ст. 1, ст. 7, ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — далее УПК);

– законность производства по гражданским и уголовным делам понимается в соотнесении с соответствующим отраслевым законом, но не иными;

– демаркационная межотраслевая линия с очевидностью исключает межотраслевую аналогию, не позволяет искать схожие нормы для перенесения их в правоприменительную (регуляционную) практику этих отраслей.

Однако в междисциплинарном аспекте, когда субъекты научной деятельности той или иной отрасли (наук гражданского или уголовного процесса), обращаются к исследованию двух объектных областей, это видится возможным, позволяет искать в обеих отраслях идеи для отраслевого нормативного регулирования, то есть подходить к исследованию объектных областей уголовного и гражданского процессов *de lege ferenda*, а это предполагает актуализацию междисциплинарности, когда учеными реализуются единые методы для исследования объектных областей различных отраслей российского законодательства.

Методами исследования здесь буду сравнение и системный подход.

Анализ ГПК в части понимания вопросов как средств осуществления допросов, правил формулирования и использования вопросов в допросах выделяет следующие элементы данного института в гражданском процессе.

1. Вопрос как процессуальный инструмент для получения ответов имеет нормативное регулирования лишь в двух видах процессуальных допросов: свидетеля (ч. 3 ст. 177 ГПК) и несовершеннолетнего свидетеля (части 1 и 2 ст. 197 ГПК).

2. В силу общего характера указанных выше допросов можно полагать, что законодатель для гражданского процесса предусмотрел лишь один вид допроса, в котором предусматривается нормативная регламентация вопросов, но в силу наличия различающихся гражданско-процессуальных форм этих действий можно допускать два вида допроса с регулированием правил формулирования и использования вопросов. Количественно эта ситуация существенно различается с регулированием вопросов в допросах в уголовном судопроизводстве.

3. Вопросы в допросе в гражданском процессе не являются единственным процессуальным средством. Законодатель начальным

содержанием допроса предполагает свободный рассказ свидетеля (ч. 2 ст. 177 ГПК). Это традиционно для отечественной отрасли гражданского процесса, однако требующее научного объяснения предполагаемого знания свидетелем предмета и основания гражданского иска, а, стало быть, какой-то связи свидетеля со стороной. В уголовном процессе аналогичные вопросы решены иначе.

4. Вопросы свидетелю могут быть заданы лицами, имеющими личный интерес в деле (истцом, ответчиком), их представителями (ч. 1 ст. 35, ч. 3 ст. 177 ГПК), судьей (ч. 3 ст. 177 ГПК), причем даже в ходе свободного рассказа или в иной момент допроса свидетеля, экспертом (ч. 3 ст. 85 ГПК). Сам свидетель субъективного права на постановку вопросов участникам гражданского процесса не имеет. Последнее объяснимо. Если эксперт право на вопросы имеет в целях получения информации для дачи заключения или показаний эксперта (использования своих специальных знаний относительно обстоятельств гражданского дела), то свидетель такой функции не выполняет. Если же вопросы свидетелем фактически задаются, то корреспондирующей юридической обязанности отвечать на них гражданско-процессуальный закон не устанавливает.

5. Особенность использования вопросов в гражданско-процессуальном допросе несовершеннолетнего свидетеля состоит в том, что право на вопросы в этом случае имеют еще педагог, родители, усыновители, опекун или попечитель (ч. 1 ст. 179 ГПК). Это – лица, не имеющие прямого интереса в деле, но действующих в интересах несовершеннолетнего свидетеля, и лица, участвующее в деле (истец, ответчик, их представители), удаленные из зала судебного заседания на время допроса несовершеннолетнего свидетеля (ч. 2 ст. 179 ГПК).

Анализ УПК выявляет иную конструкцию института вопросов в уголовно-процессуальном допросе.

А. Вопрос как элемент допроса в этом случае имеет количественно большее нормативное регулирование, чем в гражданско-процессуальном законе. Регламентация вопросов содержится в нормах об общих правил допроса (ч. 2 ст. 189 УПК), о протоколе (ч. 2 ст. 190 и ст. 259 УПК), допросе подсудимого (части 1, 3 и 4 ст. 275 УПК), допросе потерпевшего и свидетелей (ч. 3 ст. 278 и части 3, 4 и 6 ст. 280 УПК), допросе несовершеннолетних свидетелей (ч. 3 ст. 280 УПК), допросе эксперта (части 2 и 3 ст. 282 УПК) и т. д.

В данной отрасли регулирование вопросов в допросах предусмотрено как для допроса лиц, имеющих личный интерес в деле

(потерпевшего, подсудимого), так и для лиц, не имеющих такового (свидетелей, экспертов).

Б. В уголовно-процессуальном допросе вопрос является основным и единственным средством получения ответов (показаний допрашиваемых лиц). В конструкции всех видов допросов свободный рассказ не допускается.

В. Субъективное право на вопросы, урегулированное в УПК, касается большего круга лиц: подсудимого (ч. 4 ст. 275 УПК), защитника (ч. 2 ст. 53 УПК), эксперта (п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК), специалиста (п. 2 ч. 3 ст. 58 УПК), переводчика (п. 1 ч. 3 ст. 59 УПК), следователя (ч. 2 ст. 189 УПК), государственного обвинителя (ч. 1 ст. 275 УПК), суда (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278 УПК), педагога (ч. 3 ст. 280 УПК) и т. д.

Приведенный список подтверждает, что в уголовно-процессуальной отрасли право на вопросы принадлежит как активным участникам доказывания уголовного иска (следователю, государственному обвинителю) так и стороне, представляющей иную сторону (защитнику, обвиняемому), а также лицам, не являющимся активными участниками процесса (переводчику, педагогу).

Г. Особенность использования вопросов в допросах несовершеннолетних свидетелей или потерпевших в уголовном процессе состоит в том, что субъективное право на вопросы педагога, законного представителя не упоминается в законе в стадии предварительного расследования (ст. 191 УПК), но оговаривается для стадии судебного разбирательства (части 3 и 4 ст. 280 УПК). В этом случае проявляется схожая с гражданским процессом модель регулирования.

Д. Вопросная компетенция суда (судьи) в уголовно-процессуальном законе также представляется иной конструкцией, существенно отличной от гражданско-процессуального закона. Судья задает вопросы после сторон, в допросе в уголовном процессе доминируют стороны (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278, ч. 2 ст. 282 УПК).

Промежуточный вывод сводится к тому, что институты использования вопросов в допросах в гражданском и уголовном процессе существенно различаются.

Если применять системный подход, то очевидно, что в систему российского законодательства в качестве элементов входят обе отрасли (гражданский и уголовный процесс). В любой системе ее элементы отвечают критериям системы. Они в данном случае (гражданский и уголовный процесс) не могут противоречить друг другу. В системе российского законодательства обе отрасли связывают содержание своих

институтов, отдельных норм с ядерными принципами системы. К таковым можно отнести принципиальные положения ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации об осуществлении судопроизводства в процессуальном режиме состязательности и равноправия сторон. Это относится к гражданскому и уголовному процессу. Более того, обе отрасли, если фокусироваться на собственно судебном производстве, основываются на устности (ч. 2 ст. 157 ГПК, ст. 240 УПК). Общие внешние нормативные факторы для обеих отраслей схожи.

Выводы настоящей статьи носят дискуссионный характер и сводятся к следующему.

Как мы видим из анализа норм ГПК доминанта компетенции судьи в использовании вопросов в допросах, а не сторон, может указывать на отход в данном отраслевом законе от нормативной идеи состязательности, содержащейся в конституции. Видится рациональным в гражданском процессе передать приоритет в вопросной компетенции сторонам как это сделано в уголовном процессе.

Одновременно анализ УПК демонстрирует консервативность законодателя, повторяющего подходы предыдущего уголовно-процессуального закона, в тех случаях, когда допрос лиц, имеющих личный интерес в уголовном деле, видится парадоксальным. Не вводя уголовной ответственности за отказ подозреваемого, обвиняемого от ответов на вопросы, закон сохраняет процессуальный режим допроса, что является более настойчивым, категоричным требованием ответа, чем получения объяснений как это сделано в гражданском процессе. В уголовном процессе имеется эпигенез института объяснений обвиняемого (п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК), имеющий минимальное регулирования (упоминание в законе), не содержащий правил об использовании вопросов. Личный интерес обвиняемого (как и личный интерес потерпевшего) в уголовном деле мог бы проявляться по примеру гражданского процесса в режиме использования вопросов для получения объяснений, но не допроса.

Благодарим организаторов научного мероприятия, предусмотревших в программе сравнительно-правовую тематику, позволив нам представить часть монографического исследования о вопросах как элементах допроса.

Список использованных источников:

1. *Фатьянов, А. А. Основные отрасли права, комплексные отрасли права и проблемы аттестации научных кадров / А. А. Фатьянов // Журнал российского права. — № 11 (251). — 2017.*

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ МЕР В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Коблева Мария Мухадиновна,

*доцент кафедры уголовно-процессуального права, к.ю.н.,
доцент РФ ФГБОУВО «РГУП», г. Ростов-на-Дону*

Аннотация: *Статья посвящена проблеме совершенствования процедуры применения альтернативных уголовному наказанию мер воздействия при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Отсутствие должной регламентации порядка применения данных мер, и существующие законодательные пробелы определяют необходимость систематизации альтернативных уголовному наказанию мер. Автор предлагает перечень видов альтернативных уголовному наказанию мер воздействия.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, примирение, медиация.*

APPLICATION OF ALTERNATIVE MEASURES TO CRIMINAL PUNISHMENT IN RELATION TO MINORS

Kobleva Maria Mukhadinovna

Abstract: *The article is devoted to the problem of improving the procedure for applying alternative measures of influence to criminal punishment in criminal proceedings against minors. The lack of proper regulation of the procedure for applying these measures, and the existing legislative gaps determine the need to systematize alternative measures to criminal punishment. The author offers a list of types of alternative measures of influence to criminal punishment.*

Keywords: *minor, punishment, compulsory measures of educational influence, reconciliation, mediation.*

Международно-правовые акты, Федеральные законы, Уголовный кодекс Российской Федерации акцентуализированы на охрану прав несовершеннолетних вне зависимости от того, выступает ли он в роли

субъекта преступления, потерпевшего от преступления, или в роли лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, но совершившего общественно опасное деяние.

Общество и государство ставит своей приоритетной задачей – обеспечение полноценного психологического развития и становления личности несовершеннолетнего, интеграцию в социум, обеспечение реализации законных интересов.

Законный интерес является самостоятельным объектом правовой охраны наряду с субъективным правом, в отличие от которого ему не противостоит встречная прямая юридическая обязанность вести себя определенным образом. В случае законных интересов возможность носит абстрактный характер, что, однако, не умаляет их значения как особой правовой категории.²

Соответственно и процесс применения уголовно-правовых форм воздействия на несовершеннолетних имеет свои специфические особенности.

Применение принудительных мер воспитательного воздействия на основании статьи 90 Уголовного кодекса РФ – это возможность индивидуального подхода к несовершеннолетним, совершившим общественно опасные деяния с учетом, как преступления, так и обстоятельств ему способствующих. Это восстановительный уклон и уход от традиционной схемы преступление=наказание и цели уголовной ответственности достигаются путем альтернативных уголовному наказанию мер.

Принудительные меры воспитательного воздействия могут быть применены к несовершеннолетнему только в связи с установлением факта совершения им преступления, что предопределяет необходимость поступления дела в суд с обвинительным заключением и полноценную процедуру судебного разбирательства, позволяющую установить событие преступления и виновность несовершеннолетнего в его совершении.

При применении статьи 90 Уголовного кодекса РФ берутся во внимание наличие доказанности, что исправление может быть достигнуто без применения уголовного наказания, возрастные особенности, совершение преступления впервые, тяжесть преступления.

К видам альтернативных уголовному наказанию мер воздействия можно отнести:

² Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр "Пресс", 2004. С. 73 - 74.

1. Принудительные меры воспитательного воздействия, а именно предупреждение, передача под надзор родителей, либо лиц их замещающих; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних;³

2. Помещение несовершеннолетних в возрасте от 11 до 18 лет в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

В соответствии п. 4 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривается возможность помещения несовершеннолетних в возрасте от 11 до 18 лет в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, в случае, если несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или совершил деяние в состоянии возрастной невменяемости. Данная мера может применяться в качестве освобождения несовершеннолетнего от наказания по ст. 92 УК РФ⁴, в случае, если несовершеннолетний осуждается к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, он может быть судом освобожден от наказания и помещен в данные учреждения, в случае если он нуждается в особых условиях воспитания, обучения и специального педагогического подхода;

3. Примирение сторон.

Статья 76 Уголовного кодекса РФ позволяет применять институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Согласно статье 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Из текста данной статьи можно предположить, что для примирения указанного лица с потерпевшим также может применяться процедура медиации.

Процедура медиации по уголовным делам должна обладать восстановительным уклоном, чтобы отвечать задачам уголовного закона. Поэтому в примирение по уголовным делам в международном праве приобрело название восстановительное правосудие. Идеи восстановительного правосудия восприняты различными правовыми

³ Статья 90 УК РФ//СПС Консультантплюс

⁴ Статья 92 УК РФ//СПС Консультантплюс

системами государств. Отличительной особенностью движения примирения является особый тип отношения к криминальному событию и его участникам – правонарушителю, потерпевшему и обществу. Это отношение состоит в том, что на первый план выдвигается необходимость восстановления нанесенного морального, психологического и материального ущерба потерпевшему и вовлечение правонарушителя в различные восстанавливающие и реабилитационные программы.

На желательность исключить соприкосновение подростка с судебной системой, необходимость улаживание конфликта до суда законными способами, снижение уровня судимости несовершеннолетних, указывают Минимальные Стандартные Правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»).

Вступление России в Совет Европы актуализирует для нашей страны проблему реализации Рекомендаций №R (99) 19 «Посредничество в уголовных делах» Комитета Министров государствам-членам Совета Европы.

В Рекомендациях отмечается, что использование посредничества в уголовных делах возможно как дополнение либо как альтернатива традиционному судебному разбирательству; отмечается необходимость вовлечения в разбирательство большого числа людей: жертвы, правонарушителя и тех, кого данное происшествие могло бы коснуться, а также местного сообщества; учитывается важность развития чувства ответственности у преступника и предоставляя ему тем самым возможности для исправления, ведущие к реинтеграции и реабилитации.

Посредничество в уголовных делах должно проводиться только в том случае, если все стороны добровольно пришли к согласию по этому поводу; стороны могут отказаться от данной процедуры на любом этапе проведения посредничества. Посредничество в уголовных делах рассматривается как процесс, где жертве и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (ведущего) принимать активное участие в разрешении вопросов, связанных с происшедшим преступлением.

В настоящий момент существует острая необходимость изучения методов, альтернативных наказанию, для предупреждения повторного нарушения уголовно-правовых запретов исключительно с помощью уголовных наказаний.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (исправлен, дополнен, переработан) (под ред. А.И. Чучаева) //СПС КонсультантПлюс

2. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2010 № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" (Е.В. Тихонова, М.Е. Старостин, О.В. Лазарева)// СПС КонсультантПлюс

3. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр "Пресс", 2004. С. 73 - 74

АМНИСТИЯ В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фоменко Ирина Владимировна,

доцент кафедры уголовного права

кандидат юридических наук, доцент

Ростовского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы применения института амнистии в Российской Федерации. Особенно остро данная тема звучит в связи с пандемией вируса COVID-19. Также в статье уделено внимание существующим пробелам в действующем законодательстве относительно института амнистии. В статье предложено свое видение решения указанной проблематики, а именно принятие федерального закона, который регламентировал бы более четко саму процедуру амнистии, поскольку существующая ныне процедура принятия постановления об амнистии является слишком упрощенной.

Ключевые слова: амнистия, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, гуманизация уголовного закона, проекты амнистии, пандемия

AMNESTY IN RF: PROBLEMS AND PROSPECTS

Fomenko Irina Vladimirovna

Abstract: The article deals with the problematic issues of the application of the institution of amnesty in the Russian Federation. This topic is especially acute in connection with the COVID-19 virus pandemic. The article also pays attention to the existing gaps in the current legislation regarding the institution of amnesty. The article proposes his own vision of the solution of these problems, namely, the adoption of a federal law that would regulate more clearly the amnesty procedure itself, since the current procedure for adopting an amnesty decree is too simplified.

Key words: amnesty, exemption from criminal liability, release from punishment, humanization of the criminal law, amnesty projects, pandemic

В настоящее время в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации наблюдается устойчивый процесс гуманизации. Одним из инструментов уголовной политики России, способствующим реализации принцип гуманизма на практике, на сегодняшний день является институт амнистии.

Исследование института амнистии в Российском законодательстве очень актуально в наши дни, поскольку амнистия является разновидностью юридически оформленного способа прощения преступника, которое реализуется от имени общества высшими органами государственной власти. Данный институт был исследован в множестве работ известных современных правоведов, которые чаще всего обращают внимание на отсутствие комплексных исследований в сфере нормативных актов, аннулирующих юридические последствия совершенного преступления. На данном этапе исторического развития амнистия представляет собой проявление гуманизма к лицам, совершившим преступление, однако она не отменяет ни приговор суда, ни уголовный закон, предусматривающий ответственность за те или иные преступления. По мнению правоведа Р.А. Ромашова, такой акт гуманизма является проявлением своего рода прощения со стороны государства к лицам, совершившим общественно опасное деяние, и он является свидетельством того, что общество (как минимум в лице государственных органов) готово принять человека, совершившего преступление и в дальнейшем раскаявшегося в содеянном, стремящегося вновь стать законопослушным и полноправным гражданином [1, с. 5].

Институт амнистии в настоящее время является преимущественно уголовно-правовым институтом. В последнее время амнистии были направлены только на освобождение от уголовной ответственности и наказания или смягчение наказания и они перестали носить комплексный характер. Проанализировав данные об амнистиях последних лет, нужно отметить, что в России с 1994 года было принято около 18 амнистий, в результате которых более трехсот тысяч человек были либо освобождены от уголовной ответственности, либо от наказания. Амнистирование является дополнительным стимулом для исправления лиц, подвергшихся уголовному преследованию, и ее объявление обычно происходит в связи с памятливыми событиями и датами. Последний раз амнистия объявлялась Государственной Думой РФ в 2015 году, к 75-летию победы в Великой Отечественной войне [2].

В прошлом 2020 году запланированные проекты по амнистии не были исполнены согласно плану в связи с объявленной пандемией. По

мнению практиков, в 2020 году у государства были большие трудности, связанные распространением коронавируса, в связи с чем необходимо было ограничить социальную активность граждан на неопределенное время [3].

Помимо проблем, связанных с распространением вируса COVID-19, необходимо также отметить, что постоянные амнистии с одинаковым содержанием статей, на которые они распространяются, приводят к их фактической декриминализации. В результате этого граждане перестают опасаться уголовного наказания, так как заранее становится известно, кого коснется амнистия и в какое время. Кроме того, амнистия в связи с последними изменениями в Уголовном Кодексе Российской Федерации, направленными на максимальную гуманизацию уголовного законодательства в отношении определенной группы преступлений, утрачивает свое главное значение. Такая ситуация в целом ставит под вопрос целесообразность института амнистии в России.

Действительно, следует признать, что в настоящее время на освобождение заключенных может оказать особое влияние новый разбушевавшийся вирус COVID-19. Многие правозащитники выдвигают требования к государственным органам о прекращении дел по малозначительным преступлениям и о приостановлении производства по уголовным делам в отношении женщин с детьми и беременных женщин, политических заключенных, пожилых людей и людей с хроническими заболеваниями, а также в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести. В целом необходимо отметить, что среди правоприменителей существует две точки зрения по данному вопросу. Одни придерживаются позиции, что коронавирус в ближайшее время может добраться и до исправительных колоний и тюрем, что повлечет за собой угрозу жизни и здоровью сотрудников ФСИН России и заключенных, поэтому необходимо как можно скорее принять меры по внедрению нового акта об амнистии. Противоположная точка зрения заключается в том, что от органов исполнения наказания необходимо требовать исполнения мер по снижению риска заражения, а принятие акта об амнистии должно проходить планомерно и спокойно.

На сегодняшний день в Государственной Думе РФ находятся на рассмотрении несколько проектов амнистий, приуроченных к разным датам. Так, например, есть проект амнистии к тридцатилетию окончания вывода войск из Афганистана (данный проект должен коснуться ветеранов боевых действий и несовершеннолетних), проект амнистии к двадцатипятилетию принятия Конституции России, проекты «Ко Дню

народного единства», «К третьей годовщине присоединения Крыма», «Со столетием революции», «Со столетием Госдумы» и некоторые другие. Также на данный момент существует проект амнистии, который создавался с весны 2020 года и в результате которой почти 30 000 заключенным должна была быть изменена мера пресечения в связи с коронавирусом. Однако в Государственную Думу РФ этот проект так и не был внесен.

Со стороны современных реалий ведется неоднозначный спор, который возникает вокруг института амнистии. Несмотря на все отрицательные моменты, которые выделяли многие ученые, невозможно полностью исключить амнистирование из истории уголовного права. Одни считают, что институт амнистии - это дань традиции, другие же имеют мнение, что амнистии проводятся для разгрузки мест лишения свободы. Каждое мнение имеет право на существование, в связи с чем можно заключить, что амнистия носит многоцелевой характер и имеет право на существование как самостоятельный институт уголовного права. Однако необходимо четко понимать, что амнистия, как уже говорилось, это своеобразный акт прощения со стороны государства, а прощение не должно носить систематический предсказуемый характер, оно должно быть «выстраданным», заслуженным, иначе можно поставить под сомнение вопрос о целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности, или его наказания за совершение определенной группы преступлений.

Таким образом, несмотря на то, что институт амнистии претерпел не одну попытку усовершенствования со стороны государства, проблемы его остаются неисчерпанными. На наш взгляд, для того, чтобы решить проблемы, возникающие при издании актов амнистии, интерпретировать данный институт необходимо с учетом условий современной реальности. Важно помнить, что основной неотъемлемой задачей любых способов гуманизации законодательства остается сведение к минимуму вреда от принудительной изоляции человека. Кроме того, необходимо принять федеральный закон, который регламентировал бы более четко саму процедуру амнистии, поскольку на наш взгляд существующая ныне процедура принятия постановления об амнистии, описанная в регламенте Госдумы РФ, является слишком упрощенной. Вполне логично было бы сделать процедуру амнистии многоступенчатой, по аналогии с институтом помилования, что дало бы возможность выслушивать и учитывать мнение различных сторон, в том числе (что немаловажно) – мнение правоприменителей.

Подводя итоги всему выше сказанному, отметим, что амнистия играет немаловажную роль в системе оснований прекращения уголовного преследования, однако требует существенной и незамедлительной корректировки.

Список использованных источников:

1. Ромашов Р.А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины // Вестник института: преступление, наказание, исправление. -2012. - № 20. - С. 4–7.

2. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64638> (10.06.2021)

3. В Госдуме отказались от проведения амнистии к 75-летию Победы // Новая газета. [Электронный ресурс]- Режим доступа: URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/04/21/160890-v-gosdume-otkazalis-ot-provedeniya-amnistii-k-75-letiyu-pobedy> (06.06.2021)

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СУДОУСТРОЙСТВА И
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КАНДИДАТА НА ДОЛЖНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО И МИРОВОГО СУДЬИ В РОССИИ

*Лаврищева Ольга Мирославовна,
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
СЗФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
соискатель кафедры организации судебной и правоохранительной
деятельности ФГБОУВО «РГУП»,
Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация:** в статье рассматриваются отдельные проблемы и обозначаются перспективные векторы развития правового регулирования положения кандидата на должность федерального и мирового судьи в Российской Федерации. Автор анализирует положения действующих нормативно-правовых актов, регламентирующих статус лиц, претендующих на должности федерального и мирового судьи, и приходит к выводу об острой потребности совершенствования правового регулирования этой сферы общественных отношений, перехода от точечного правового воздействия к научно выверенному системному, носящему комплексный характер упорядочению.*

***Ключевые слова:** кандидат на должность судьи, претендент на должность судьи, статус судей, судебная власть, судья, правовое регулирование.*

THE NEED TO IMPROVE LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A CANDIDATE FOR JUDICIAL POSITION IN RUSSIA

Lavrishcheva Olga Miroslavovna

***Abstract:** the article examines specific problems and identifies promising vectors for the development of legal regulation of the status of a candidate for the office of federal and magistrate judges in the Russian Federation. The author analyzes the provisions of the current normative legal acts regulating the status of persons applying for the position of federal and magistrate judges and comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal regulation of this sphere of public relations, the transition from a point legal impact to a systemic, complex ordering.*

Key words: candidate for judicial position, candidate for the position of judge, status of judges, judicial power, judge, legal regulation.

Судебная реформа, проводимая в нашей стране на современном этапе, отражает тенденции и закономерности развития России как демократического правового государства. Начиная с 1991 года осуществлено значительное количество мер, направленных на совершенствование механизма судебной власти, повышение эффективности ее функционирования, полную и повсеместную реализацию международно-правовых, конституционных и отраслевых принципов правосудия. На законодательном уровне сформирован статус судей как независимых носителей судебной власти, налажена работа органов судейского сообщества, существенно улучшено организационное обеспечение деятельности судов.

Вместе с тем, эти меры хотя и способствовали укреплению надлежащей самостоятельности судебной власти, но не обеспечили ее в полной мере. Историко-политические реалии современной России определяют нынешнее положение судебной власти, как отображение сложившегося баланса социально-политических сил, при котором автономия судебной власти в большей степени проявляется в организационном отделении от иных ветвей власти, но не в истинной самостоятельности и внутренней независимости отдельных ее носителей.

Ведущие исследователи сущностных черт и субстанциональных аспектов характеристики судебной власти сходятся во мнении, что ключевой проблемой на пути обретения самостоятельности и независимости является недостаточная разработанность научно-обоснованной концепции этой ветви власти и механизма ее реализации [1, с.168], [2, с.5], [3, с.6], [4, с.6]. Отсутствие такой концепции порождает проблемы как теоретического, так и практического характера, которые сопутствуют процессу реализации полномочий судебной власти. В значительной мере это обусловило наличие пробелов в нормативной регламентации институциональных гарантий обеспечения независимости судей и лиц, имеющих намерение стать судьей в процессе наделения их полномочиями.

Отправной точкой успешного и эффективного функционирования судебной власти представляется фигура судьи как носителя власти, реализующего исключительную функцию – правосудие. Именно качеством элементов судейского корпуса определяется авторитет судебной

власти, уровень доверия, выказываемый ей со стороны общества, результативность и полнота разрешения социальных конфликтов.

Приходится с сожалением констатировать, что в современных условиях недооценивают потенциал и значимость судебной власти не только рядовые члены общества, но даже сами ее носители, что может быть отчасти детерминировано несовершенством правового регулирования прохождения такого значимого этапа профессионального становления как пребывание в статусе кандидата на должность судьи. Результаты интервьюирования судей, проведенного А. Ф. Извариной, отражают неполноту сформированного представления членов судейского корпуса о содержании и предназначении судебной власти. Как следует из ответов опрошенных мировых и федеральных судей, они отождествляют судебную власть с совокупностью судебных учреждений, судебной системой [5, с.28]. То есть, даже пройдя предшествующий назначению «кандидатский» этап, судьи, став носителями властных полномочий, не обретают ощущения должного уровня независимости и осознания обособленности и самостоятельности, понимания юридической природы судебной власти.

Реализация заложенного Конституцией Российской Федерации правозащитного потенциала судебной власти как влиятельной силы немыслима без надлежащего кадрового обеспечения ее деятельности. Насколько бы ни были высоки и гуманны идеалы и ценности, к которым стремится в своем эволюционном развитии судебная власть, базисом ее функционирования остаются отдельные властвующие субъекты – лица, непосредственно осуществляющие правосудие. Воплощается в реальность судебная власть конкретными представителями судейского корпуса, именно поэтому отсутствие четкого правового регулирования положения лица, претендующего на судейскую должность и концептуальных основ института кандидата на должность судьи в теории судебной деятельности, требует осмысления и доктринальной проработки.

Соблюдение высоких требований к качеству правосудия и эталонов справедливости при осуществлении этой исключительной компетенции судебной власти предполагает высочайший профессионализм, компетентность и наличие особенных личностных качеств персон, олицетворяющих кадровую составляющую механизма судебной власти. Но может ли сформироваться высококачественный судейский корпус в условиях отсутствия должного правового регулирования процесса его комплектования?

Несовершенство механизма отбора кандидатов на судейские должности достаточно широко обсуждается как в научном, так и в судейском сообществе. Разрозненность норм права, содержащихся в различных источниках, не позволяет сформировать четкое представление о правовом положении кандидата на должность федерального и мирового судьи в Российской Федерации. Отдельного целостного нормативно-правового акта, регламентирующего отбор потенциальных судей и их статус в период прохождения этапа карьеры, непосредственно предшествующего назначению на должность, в настоящее время нет, но он очень нужен.

Правовой статус кандидата в судьи обделен вниманием законодателя в современном отечественном правовом регулировании – в действующих нормативно-правовых актах не найти даже определения «кандидат на должность судьи», что лишь отчасти восполняется в доктринальных источниках. Формальный момент приобретения статуса, минимальный и предельный срок пребывания в таком положении, закон тоже не оговаривает. Отсутствие также законодательно закрепленных статусных характеристик кандидата на должность судьи справедливо обозначается М. И. Клеандровым в качестве «серьезной лакуны в общем механизме комплектования судейского корпуса страны» [6, с.31].

Реальные отношения по получению статуса судьи носят длящийся характер. На протяжении всего этого важного периода карьерного продвижения претендент в судьи фактически пребывает в правовом вакууме. Наделение полномочиями судей не должно быть одномоментным, этот процесс предполагает постепенное прохождение ряда этапов. Во время освоения этих этапов ключевой задачей представляется не только отбор, «фильтрация» претендентов (на что и направлено нынешнее правовое регулирование), но и подготовка их к судейской работе, наделение их определенными правами, гарантиями, защитой.

Несмотря на сложность и продолжительность прохождения процедуры назначения на должность судьи, она не гарантирует формирование корпуса судей из лиц в полной мере готовых к осуществлению этой сложной и ответственной деятельности. Позиция представителя власти, независимого арбитра в судопроизводстве диктует необходимость наличия у судьи определенных личностных качеств, внутреннего стремления к справедливости, психологической устойчивости, определенных поведенческих навыков в конфликтной ситуации. Как верно подчеркивает Е. А. Мартынов: «От судьи граждане

ожидают не только знания закона, но и порядочности, честности, вдумчивости, уравновешенности, объективности и неподкупности» [7]. Но в имеющемся сейчас правовом регулировании обнаруживается лишь набор формальных требований, которым должен соответствовать претендент на должность судьи, а соблюдение норм судейской этики становится обязательным лишь после назначения судьи на должность.

Существенным упущением видится и отсутствие сформулированных принципов отбора и пребывания в статусе кандидатов на должности федерального и мирового судьи, которые бы заложили основу для эффективного рекрутинга судей, создали определенный уровень гарантий, распространяющихся на претендентов в судьи.

Для наиболее полного и эффективного решения задач, стоящих перед судебной властью, процедура становления в должности судьи должна приобретать более открытый, публичный и прозрачный характер. В сложившемся на сегодняшний день правовом регулировании ведущая роль в этом процессе отведена органам судейского сообщества. Именно они формируются и действуют, согласно положениям закона, для выражения интересов судей как носителей судебной власти. Но, в процессе осуществления преобразований роль органов судейского сообщества несколько трансформировалась, и из своеобразных «защитников» и гарантов интересов судей, они превратились в инструмент влияния. Возможно, целесообразным в этой связи было бы создание отдельного органа, олицетворяющего судебную власть и наделенного полномочиями по комплектованию судейского корпуса, что несомненно потребует внесения изменений в нормативно-правовые акты.

Таким образом, существующее в настоящее время правовое регулирование статуса кандидата на должность федерального и мирового судьи в Российской Федерации нельзя признать совершенным. Назрела объективная необходимость корректировки нормативно-правового материала, регламентирующего статус кандидатов на должности судей. Среди перспективных направлений оптимизации правового регулирования в этой сфере первостепенной необходимостью видится законодательная формулировка понятия «кандидат на должность судьи», институционализация правоотношений, складывающихся в процессе формирования судейского корпуса в предшествующий назначению на должность временной промежуток. Отдельные компоненты статуса кандидата на должность судьи также требуют закрепления и упорядочения, при этом они должны быть четко разграничены со статусными характеристиками судей, ибо правовое положение судьи и

лица, только лишь претендующего на такую должность, не является тождественным. Разработка и принятие единого нормативно-правового акта, содержащего регламентацию правового статуса кандидата в период до назначения его на должность федерального или мирового судьи позволит перейти от точечного правового воздействия к системному, носящему комплексный характер регулированию столь важного этапа карьеры каждого судьи, назначаемого на должность в Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Власов В. И. Специфика сущности судебной власти и форм ее проявления // *Современные фундаментальные и прикладные исследования*. – 2017. – № 3(26). – С. 168.
 2. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 5.
 3. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Юрист, 2007. С.6.
 4. Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: ООО «ТК Велби». 2003. С.6.
 5. Изварина А. Ф. Влияние судебной власти определяется ее носителями // *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*. – 2005. – Т. 1. – № 33. С. 28.
 6. Клеандров М. И. О необходимости законодательного закрепления в России статуса кандидата на должность судьи // *Государство и право*. 2018. № 1. С. 31.
 7. Мартынов Е. А. Кандидат на должность судьи: проблемы при отборе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vkks.ru/publication/186/> (дата обращения: 07.06.2021).
-

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЕЙ

Масликов Иван Степанович,

кандидат юридических наук,

ст. преп. кафедры гражданского процесса РГЭУ (РИНХ)

Аннотация: В статье определены основания взаимодействия законодательной и судебной властей, установлены перечень вопросов, подлежащих судебному контролю над текущим законодательством, и круг участников, имеющих право на обращение с таким вопросом в соответствующий суд. Отмечена значительная роль Конституционного

Суда Российской Федерации в сфере защиты прав человека и гражданина от применения несправедливого закона.

Ключевые слова: законодательная власть, судебная власть, Конституционный Суд, Государственная Дума, закон, Конституция, взаимодействие.

INTERACTION BETWEEN THE JUDICIARY AND THE LEGISLATURE POWER

Maslikov Ivan Stepanovich

Abstract: *The article defines the grounds for interaction between the legislative and judicial powers, establishes a list of issues subject to judicial control over the current legislation and the circle of participants who have the right to appeal with such a question to the relevant court. The significant role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the protection of human and civil rights from the application of unjust law is noted.*

Keywords: *legislature, judiciary, Constitutional Court, State Duma, law, Constitution, interaction.*

Современная конституционно-правовая теория признает человека, его права и свободы высшей ценностью, предопределяющей содержание и направленность деятельности всей системы государственных органов. Как, известно, особую роль в защите прав и свобод человека и гражданина играет судебная власть. Она должна оградить человека от возможности принятия и применения несправедливого закона, от возможного произвола посредством закона. Это призвание судебной власти и определяет специфику ее взаимоотношений с законодательными органами.

Анализ Конституции Российской Федерации, действующего законодательства, практики взаимоотношений этих двух ветвей власти позволяет выявить следующие направления из взаимодействия:

1) Проверка Конституционным Судом Российской Федерации федеральных законов, нормативных актов палат Совета Федерации, конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов федеральной власти и совместному ведению органов государственной власти России и органов государственной власти субъектов Федерации, а также договоров, заключаемых органами законодательной власти;

2) Проверка Конституционным Судом по запросам Совета Федерации. Государственной Думы, одной пятой членов Совета

Федерации или депутатов Государственной Думы, органов законодательной власти субъектов Федерации законов и иных нормативных актов, договоров, перечисленных в ч.2 ст. 125 Конституции;

3) Разрешение Конституционным Судом споров о компетенции между различными органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, указанных в ч.3 ст.125 Конституции;

4) Проверка судами общей юрисдикции и арбитражными судами актов органов законодательной власти, не указанных в ч.2 ст.125 Конституции;

5) Толкование Конституционным Судом Конституции по запросам палат Совета Федерации, органов законодательной власти субъектов Федерации;

6) Участие судебной власти в законотворчестве;

7) Участие законодательных органов в формировании судейского корпуса.

Важнейшей конституционной основой взаимодействия судебной и законодательной властей является право Конституционного Суда разрешать дела о соответствии Конституции федеральных законов, конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, из данных по вопросам, отнесенных к ведению органов государственной власти Федерации и совместному ведению этих органов и органов государственной власти ее субъектов.

Круг субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности вышеуказанных нормативных актов определен ч.ч.2,4. Ст.125 Конституции, ст.96 Закона о Конституционном Суде. Помимо лиц, указанных в ч.2 ст.125 Конституции в Конституционный Суд, могут обращаться граждане, их объединения, Генеральный Прокурор, суды Российской Федерации, а также иные лица, указанные в федеральном законе.

Необходимо отметить, что предоставление гражданам права обращения в Конституционный Суд не только подняло авторитет судебной власти, но и позволило им непосредственно включиться в конституционный процесс защиты своих прав и свобод.

Анализ практики Конституционного Суда свидетельствует о том, что граждане пользуются этим правом в полном объеме, не дожидаясь, когда с соответствующим запросом о конституционности закона в Конституционный Суд обратится орган власти или суд. Большинство рассмотренных дел о конституционности законов рассмотрено Конституционным Судом по запросам граждан.

Одним из первых, значимых для граждан, явилось Постановление Конституционного Суда от 23 июня 1995 года о проверке конституционности части первой, п.8 части второй ст.60 ЖК РСФСР. Основанием к рассмотрению дела явилась неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения части первой ст. 60 ЖК РСФСР, предусматривающей, что жилое помещение при временном отсутствии нанимателя или члена его семьи сохраняется за ними в течение шести месяцев, и п.8 части второй данной статьи, которым предусматривается, что в случае осуждения лица к лишению свободы на срок свыше шести месяцев жилое помещение за ним сохраняется до приведения приговора в исполнение.

Своим Постановлением Конституционный Суд признал вышеуказанные положения ст. 60 ЖК РСФСР не соответствующими ст.40 (часть1) и 55 (часть3) Конституции Российской Федерации, а положения п.8 ч.2 ст.60 ЖК РСФСР ст.ст.19,46 (часть1) Конституции. При этом Конституционный Суд указал, что временное отсутствие гражданина само по себе не может служить основанием лишения права пользования жилым помещением.

Необходимо отметить, что данное постановление нельзя признать совершенно правильным. Правомерность признания положений п.8 ч. 2 ст.60 ЖК РСФСР неконституционными не вызывает сомнений. Действительно, данная норма права фактически ввела не предусмотренное уголовным законодательством дополнительное наказание в виде лишения жилплощади лиц, осужденных к лишению свободы.

В то же время вызывает сомнение правомерность признания неконституционной части первой оспариваемой статьи закона. Признавая ее не соответствующей Конституции, Суд не учел, что тем самым нарушаются права и законные интересы лиц, проживающих в той же квартире, где значится прописанным «временно отсутствующий» гражданин. Эти лица вынуждены за него оплачивать коммунальные услуги, лишены возможности без его согласия вселить кого-либо в квартиру, обменять ее или приватизировать.

Конституционный контроль в Российской Федерации осуществляет не только Конституционный Суд, но и иные органы правосудия. Для того, чтобы принять правильное решение по делу, суд, прежде всего, должен выяснить, а имеет ли человек право, на которое он претендует, и было ли оно нарушено. Судебная власть не должна слепо применять закон, не входя в необходимых случаях в обсуждение вопроса о его праведности, то есть соответствия естественным правам человека. С одной стороны

судебная власть также подзаконна, но это проявляется в соблюдении ею процедуры осуществления своих властных полномочий. А с другой стороны подзаконность самих судебных решений не абсолютна: суд не должен применять закон, противоречащий Конституции и международным Пактам о правах человека.

Наряду с индивидуальной конституционной жалобой запросы судов о конституционности законов или отдельных их положений занимают важное место в системе правозащитных механизмов Конституции Российской Федерации. Пункт 4 ст.125 Конституции, ст.101-103 Закона о Конституционном Суде позволяют органам правосудия при рассмотрении конкретного дела не применять неконституционные с их точки зрения нормы закона.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды осуществляют конституционный контроль в нескольких направлениях:

- 1) Неприменение доконституционных законов (подзаконных нормативных актов);
- 2) Прямое применение Конституции;
- 3) Запросы в Конституционный Суд;
- 4) Руководство Конституцией и законами при проверке актов ненормативного характера различных государственных органов.

В соответствии с п.2 раздела второго Конституции законы и другие правовые акты, действующие на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции, применяются в части, не противоречащие ей. Отсюда следует, что суды вправе игнорировать такой нормативный акт по тем основаниям, что он не соответствует действующей Конституции. Обращение в Конституционный Суд в этих случаях не является обязательным.

Если суд, применяя федеральный закон, столкнется с явным противоречием его Конституции, то, руководствуясь ч.1 ст.15, Конституции, он может прибегнуть в этом случае к правилу о прямом действии конституционных норм.

В случае же, если суд придет к выводу о несоответствии Конституции закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, он должен обратиться с запросом в Конституционный Суд [1].

Из вышеизложенного следует вывод о том, что судебная власть является надежным гарантом защиты прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе и от применения несправедливых законов. Ее

взаимодействие с законодательными органами позволяет сохранять баланс сдержек и противовесов в сфере разделения властей.

Список использованных источников:

1. Гаджиев Г. Непосредственное применение судами конституционных норм. //Российская юстиция, 1995, № 12, с.24-28.
-

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ
ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО
И ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА «ДОМАШНИХ РАБОТНИКОВ»

*Кожухова Галина Станиславовна,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация:** статья посвящена анализу некоторых правовых аспектов регулирования труда домашних работников российским трудовым законодательством, анализу международных правовых актов и статистических данных.*

***Ключевые слова:** трудовой договор, трудовые отношения, работодатель – физическое лицо, домашние работники, регулирования труда.*

LEGAL REGULATION OF DOMESTIC «WORKERS ' WORK»

Kozhukhova Galina Stanislavovna,

***Annotation:** the article is devoted to the analysis of some legal aspects of the regulation of domestic workers by the Russian labor legislation, the analysis of international legal acts and statistical data.*

***Keywords:** labor contract, labor relations, employer-individual, domestic workers, labor regulation.*

Термин «домашний работник» в Трудовом кодексе РФ (далее по тексту – ТК РФ) [1] не применяется, законодатель определяет их работниками, которые вступают в трудовые отношения с работодателем «...в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства...». Отметим, что в данном случае работодателем может быть только физическое лицо, которое не является индивидуальным предпринимателем.

Какова же история возникновения в сфере современных трудовых правоотношений понятия «домашний работник»? Повышение уровня благосостояния отдельных слоев населения на современном этапе развития общества привели к возникновению потребностей и возможностей нанимать себе помощников в ведении домашнего хозяйства или, как назывались такие работники в России до 1917 года, «домашней прислуги».

Если в дореволюционный период прислуга использовалась как в семьях высокого достатка, так и среднего уровня, то в советский период

термин «прислуга» не применялся, такие работники назывались «помощники по дому» и являлись характерным признаком исключительно семей государственных партийных деятелей либо богемы – артистов, писателей, художников и т.д.

В начале 90-х годов и позднее работники на дому у работодателя получили наибольшее распространение, но с одним нюансом – сначала это были российские граждане, которые постепенно уступили данную нишу труда мигрантам из бывших союзных республик СССР. После начала социально-экономических реформ, которые в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. сопровождались резким скачком безработицы. Указанный нами исторический период определяется такими негативными характеристиками, как: 1) перевод на хозяйственный расчет и закрытие значительного числа предприятий; 2) дефицит вакансий; 3) дискриминация работников по возрастному и половому признакам и т.д.

Домашние работники пользуются большим спросом во всем мире и на современном этапе. Это объясняется в том числе и постоянным увеличением социально активных женщин, участвующих в трудовых правоотношениях. Кроме того, увеличение интенсивности труда требует увеличения временных затрат, которые работающий человек проводит вне своего дома, что не позволяет ему гармонично сочетать работу и ведение домашнего хозяйства. Следует отметить и тот факт, что население в развитых странах неуклонно стареет, так средний возраст в РФ составляет 40,2 года [2], в европейских странах – около 43 – 45,6 лет [3], а это означает, что возрастает количество лиц, которые нуждаются в постоянном постороннем уходе либо оказании помощи в ведении домашнего хозяйства.

Кто может считаться домашним работником? Если провести анализ положений Конвенции МОТ № 189 [4], то «домашний работник» – любое лицо, которое выполняет домашний труд в рамках, установленных трудовыми отношениями, а домашний труд, в свою очередь, это работа, которая выполняется в домашнем хозяйстве или для домашнего хозяйства.

Проведем классификацию домашних работников по следующим критериям:

- 1) по половому признаку: а) женщины; б) мужчины;
- 2) по месту проживания: а) проживающие у работодателя на дому весь период выполнения трудовых обязанностей; б) не проживающие у работодателя;
- 3) по продолжительности рабочего времени: а) с нормальной продолжительностью рабочего времени; б) с неполным рабочим временем,

как неполным рабочим днем, так и неполной рабочей неделей; в) с ненормированным рабочим временем и т.д.;

4) по количеству работодателей: а) работающие у одного работодателя; б) работающие больше, чем у одного работодателя;

5) по характеру деятельности: а) работающие с людьми; б) работающие с вещами и др.

На основании Международной стандартной классификацией занятий Международной организации труда (далее по тексту – МСКЗ МОТ) [5] возможно выделить такие профессии домашнего труда, как охранник, водитель, экономка, дворецкий, гувернантка, уборщики, прачка, секретарь и т.д.

В Парламентские Ассамблеи Организации договора о коллективной безопасности 2015 года [6] указывается на то, что самыми уязвимыми категориями работников наряду с женщинами и трудовыми мигрантами являются домашние работники. Заметим, что на сегодняшний день понятия «трудоу мигранты» и «домашние работники» в ряде случаев являются синонимами. В 2016 году по этому же поводу выражали свое беспокойство Европейский парламент и Совет Европейского союза [7], которые отмечали, что домашние работники находятся в особенно уязвимом положении.

Правовое регулирование отношений между домашними работниками и их работодателями не является новеллой ныне действующего трудового законодательства. Например, в 1926 году было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об условиях труда работников по найму, выполняющих работу на дому у нанимателя (домашние работники) работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи» [8], которое содержало весьма прогрессивные для своего времени правовые нормы. В 1987 году было принято Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС [9], в котором регламентировались условия трудового договора, перечислялись виды деятельности, к которым возможно было привлечение домашних работников. Указанные нормативные правовые акты не удовлетворяли потребностей в законодательной регламентации труда данной категории работников по следующим причинам: во-первых, небольшой количественный состав; во-вторых, запрет эксплуатации человека человеком.

Правовому регулированию труда указанных категорий работников законодатель посвятил главу 48 «Особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц». Однако, по нашему мнению, правовые нормы не отражают особенностей

регулирования трудовых отношений между домашними работниками и работодателем-физическим лицом, т.к. применимы и к работникам, например, микропредприятий, в которых работодателем также выступает физическое лицо, но уже как субъект малого предпринимательства.

Кроме того, количественный показатель домашних работников постоянно увеличивается, например, если по состоянию на 2010 год их количество составляло около 52,6 млн. человек, что составляло 1,7 % от общего числа занятого населения и примерно 3,6 % от наемных работников, то по состоянию на 2020 год точной статистики нет. Отметим, что даже наличие статистических данных не позволяет составить реальную картину по количественным и качественным показателям домашних работников по различным причинам, например, не учитываются несовершеннолетние моложе 16 лет, а мигранты; работающие без разрешительных документов; работодатели, которые не регистрируют трудовые договоры со своими домашними работниками в органах местного самоуправления либо вообще их не заключают и т.д.

В связи с выше перечисленным, по нашему мнению, достаточно давно возникла потребность в совершенствовании трудового законодательства. Считаем, что необходимо включение в ТК РФ дефиниции «домашний работник». Предлагаем включить в главу 48 ТК РФ статью 303.1 «Основные понятия», изложив ее в следующей редакции: «1. Домашний труд – трудовая деятельность, связанная с личным обслуживанием и оказанием помощи по введению домашнего хозяйства. 2. Домашний работник – физическое лицо, выполняющее домашний труд, определенный трудовым договором на дому у работодателя-физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем».

Отличительной чертой регулирования трудовых отношений с данной категорией работников является:

1) содержание трудового договора, в котором должно быть указано, например, обязательные условия: а) место работы с указанием фактического адреса работодателя; б) подробный перечень действий, которые составляют трудовую функцию домашнего работника, например, стирка белья, глаженье, приготовление пищи, ее подача и т.д. Факультативные условия практически такие же, как и работников, работающих у работодателя – юридического лица: продолжительность рабочего времени и времени отдыха, размер оплаты труда и сроки ее выплаты, обеспечение специальной одеждой и т.д. Применение положений о проведении испытания при приеме на работу, основания заключения

срочного трудового договора, его прекращения по различным основаниям возможно только в строгом соответствии с трудовым законодательством;

2) работодатель – физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем обязан зарегистрировать трудовой договор в уведомительном порядке по месту своего жительства в органах местного самоуправления;

3) в соответствии со ст. 307 возможно прекращение трудового договора по основаниям, которые предусмотрены самим трудовым договором;

4) работодатель не имеет права делать записи в трудовой книжке [10] и т.д.

Как показывает статистика, более 60% домашних работников не заключают трудовой договор в письменной форме по собственному выбору, т.к. не считают, что он является действительным защитным механизмом в случае возникновения индивидуального трудового спора. Около 80% домашних работников не знают своих трудовых прав, закрепленных законодательно, примерно 30% не выразили желания быть с ними ознакомленными, почти 89 % домашних работников не смогли отстоять свои нарушенные права и только около 1,5 % удалось это сделать [11]. Перечисленные выше данные свидетельствуют о низком уровне правовой грамотности, которые не позволяют домашним работникам в полной мере реализовывать свои трудовые права. Кроме того, домашние работники представляют собой достаточно замкнутую категорию работников, что объясняется и спецификой выполнения работы на дому у работодателя, и языковыми барьерами (если мы имеем дело с трудовыми мигрантами).

Считаем, что необходимо установление контроля со стороны соответствующих органов местного самоуправления за соблюдением прав домашних работников, оказание содействия в письменном оформлении трудового договора, мониторинга ежемесячных отчислений работодателем в Пенсионный Фонд.

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30. 12. 2001 №197-ФЗ (ред. от 5 апреля 2021 г. № 74-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1. Ст. 3.

2. Средний возраст населения РФ: таблица по годам. [Электронный ресурс]. URL: <https://opensii.info/answers/srednij-voznrast-naseleniya/> (дата обращения 14.06.2021 г.)

3. Средний возраст населения в странах мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/median-age> (дата обращения 14.06.2021 г.)

4. Конвенция Международной организации труда № 189 «О достойном труде домашних работников» (Женева, 16.06.2011 г.). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilo.org>. (дата обращения 11.06.2021 г.)
 5. Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ). - М.: Финстатинформ, 1997.). // [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru#ff=29.03.2021&s=fdatedesc>.
 6. Постановление № 8-11 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте Рекомендаций по созданию положительного имиджа трудовых мигрантов в государствах – членах ОДКБ» [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=32310223 (дата обращения 11.06.2021 г.)
 7. Решение № 2016/344 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О создании Европейской платформы для расширения сотрудничества в целях борьбы с незадекларированными трудовыми отношениями» // NL 65, 11.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71527180/> (дата обращения 05.06.2021 г.)
 8. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об условиях труда работников по найму, выполняющих работу на дому у нанимателя (домашние работники) работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/73403565/> (дата обращения 05.06.2021 г.)
 9. Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 28.04. 1987 г. № 275/13-76 «Об утверждении положения «Об условиях труда лиц, работающих у граждан по договорам»// Бюллетень Госкомтруда СССР. 1987. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1549144/> (дата обращения 14.06.2021 г.)
 10. Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2003 г. № 225 «О трудовых книжках» (в ред. ФЗ от 25 марта 2013 г. № 257) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 г. № 16. Ст. 1539.
 11. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 08.06.2021 г.)
-

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕСС ТРЕТЬЕГО ЛИЦА, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Пасикова Татьяна Алексеевна

Доцент кафедры гражданского процессуального права

Кандидат юридических наук

Ростовского филиала ФГОУ ВО «РГУП»

Г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: в статье рассмотрено процессуальное положение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Проведен анализ процедуры привлечения данного участника в процесс, с точки зрения возможности злоупотребления правом лицами, участвующими в деле. Определены пути разрешения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: третьи лица, не заявляющие требования о предмете спора, злоупотребление правом, гражданский процесс.

INVOLVEMENT OF A THIRD PARTY IN THE PROCESS, WHO DOES NOT MAKE INDEPENDENT CLAIMS, AS A FORM OF ABUSE OF THE RIGHT

Pasikova Tatyana Alekseevna

Abstract: *mhe article considers the procedural position of a third person who does not declare independent claims regarding the subject of the dispute. The analysis of the procedure for involving this participant in the process, from the point of view of the possibility of abuse of the right by persons participating in the case, is carried out. The ways of solving this problem are defined.*

Keywords: *third parties who do not make claims about the subject of the dispute, abuse of law, civil procedure.*

Так как правовые нормы включают в себя нормы гражданского процессуального права, понятие и сущность злоупотребления правом непосредственно касаются и гражданского процесса. Из этого можно сделать вывод, что лица, участвующие в деле в состоянии реализовывать недобросовестное поведение, вследствие чего могут злоупотреблять своими процессуальными правами в гражданском процессе.

Учёными-процессуалистами отмечается, что причины злоупотребления правом кроются в том, что зачастую, лица участвующие в деле «не всегда обладают материально-правовыми средствами защиты собственных прав», вследствие чего их правовое поведение приобретает недобросовестный характер [1, с. 53], что выражается в реализации действий, идущих вразрез со смыслом и назначением норм права. Таким образом, можно констатировать, что злоупотребление процессуальными правами всегда несёт характер заведомо и осознанно недобросовестного поведения, в случае неимения лицом материального права.

В то же время, необходимо заметить, что отсутствие у лица каких-либо правовых способов защитить свои права, не является единственной причиной, почему лицо прибегает к недобросовестному поведению.

Вполне вероятно, что даже при наличии правовых способов защиты своего права, участник цивилистического процесса может прибегать к злоупотреблению правом. Любое внешне добросовестное поведение, осознанно противоречащее смыслу и значению нормы права является злоупотреблением процессуальными правами.

На сегодняшний день, современное цивилистическое законодательство не описывает виды и способы злоупотребления правом. Вследствие чего необходимо изучить нормы АПК РФ, в частности статьи 41, 111, 159 в которых описываются неблагоприятные правовые последствия для участников арбитражного судопроизводства, уличённых в недобросовестном поведении.

Статья 41 АПК РФ гласит, что «злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные настоящим Кодексом неблагоприятные последствия». Статья 111 АПК РФ содержит негативные санкции для участника процесса, замеченного в недобросовестном поведении и злоупотреблении правом. Последствием для данного лица станет отнесение на него судебных расходов.

Иной негативный результат недобросовестного поведения лица закреплен в части 5 статьи 159 АПК РФ: «Арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта».

Также, положения о санкциях в случае злоупотребления лицом своими правами содержатся гражданском процессуальном законодательстве. Так, согласно статье 99 ГПК РФ: «со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств».

Ситуации недобросовестного поведения и злоупотребления процессуальным правом касательно третьих лиц в цивилистическом процессе обычно возникают в отношении сторон по делу,

ходатайствующих об их привлечении в процесс. Они проявляются в следующем.

Согласно настоящему законодательству, суд не вправе отказать стороне в привлечении в процесс третьего лица, в связи с тем, что количество третьих лиц, участвующих в гражданском процессе не является лимитированным. В связи с чем, стороны могут беспрерывно заявлять о привлечении в рассматриваемое дело третьих лиц, сильно затягивая рассмотрение дела.

В то же время суд наделен полномочиями по отсеиванию из процесса того лица, чей правовой статус не является относящимся к статусу третьего лица, определяя необходимость его привлечения в процесс, как, например, в Апелляционном определении Пермского краевого суда по делу № 33-5073 [2].

В указанном кейсе, содержание статьи закона не является строго определенной, в связи с чем суд вынужден привлекать в процесс в качестве третьих лиц тех лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены вынесенным судом постановлением, не смотря на степень влияния данного судебного акта. К сожалению, стороны, истец либо ответчик, могут просить суд о привлечении в рассматриваемое дело третьих лиц, не имея желания помочь последним защитить свои права и интересы либо получить от них помощь в сфере обоснования своей позиции, а наоборот, пытаться максимально осложнить процесс рассмотрения дела по существу.

Из этого можно сделать вывод, что участник процесса может злоупотреблять своим правом, так как реализация данного права не способствует укреплению правовой позиции данного лица, а направлена на затягивание рассмотрения дела и осложнение правового положения иных участников процесса.

Вышеуказанный кейс содержит признаки злоупотребления правом стороной процесса, что выражается в следующем: 1. Лицо, реализует своё процессуальное право, привлекая в рассматриваемое дело третьих лиц, без самостоятельных требований относительно предмета спора. 2. Внутреннее содержание реализации указанного права- недобросовестное поведение в отношении других участников гражданского процесса, выражающееся в искусственном затягивании рассмотрения дела. 3. Лицо, ходатайствующее о привлечении в процесс третьих лиц, не нарушает внешнюю форму выражения нормы права, но его фактические действия идут вразрез с внутренним содержанием данной нормы.

Подводя итог вышесказанному, необходимо определить, каким образом происходит осложнение правового положения участников в гражданском процессе. В связи с привлечением в рассматриваемое дело лица в качестве третьего лица, без самостоятельных требований относительно предмета спора, ухудшение правового положения связывается с наложением на данное лицо установленных законом обязанностей в процессе.

Лицо, которое было привлечено в рассмотрение дело, нередко считает данное действие процессуальной бессмысленностью, в связи с тем, что вынесенное судом решение никоим образом не затронет их права и интересы относительно иных участников дела.

В связи с тем, что закон предусматривает привлекать к участию в рассматриваемом деле третье лицо, без самостоятельных требований относительно предмета спора, в независимости от его воли и желания, то обоснованным предложением является либо сохранить в процессуальном законодательстве возможность лица добровольно вступать в процесс в указанном статусе, либо дать возможность третьему лицу добровольно выходить из участия в рассмотрении дела с помощью утраты положения третьего лица в процессе. Первый вариант выглядит более правильным, так как в противоположном случае, лицо выступает в процессе против своего желания, а потом лишается правового статуса в процессе в добровольном порядке.

Принимая во внимание существование в современном процессуальном законодательстве принципа процессуальной экономии [3, с. 11], более обоснованным можно считать позицию, о добровольности вступления в рассматриваемое дело третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. При реализации данного предложения, случаев, когда третьему лицу будет необходимо завершить участие в процессе, станет намного меньше.

В свою очередь, ухудшение процессуального положения происходит и для иных лиц участвующих в процессе, которое выражается в появлении в рассматриваемом деле субъекта гражданского процесса, исход которого для субъекта индифферентен. Согласно части 1 статьи 113 ГПК РФ, на судебный орган накладывается процессуальная обязанность извещения третьего лица о дате и начале судебного разбирательства. Одновременно с этим, суд обязан направлять копии процессуальных документов, данному участнику процесса.

Лицо, привлекаемое в судебное разбирательство в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета

спора, против своего желания, в состоянии не показывать какой-либо процессуальной активности так же, как и полностью игнорировать такую активность. Лицо, ходатайствующее о привлечении в процесс третьего лица, с целью затянуть рассмотрение указанного дела, умышленно чинит препятствия для суда, которые выражаются в следующем.

Во-первых, нормы процессуального законодательства накладывают на суд обязанность по рассмотрению любого ходатайства о привлечении в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Во-вторых, в ситуациях, когда суд принимает решение о привлечении в рассматриваемое дело третьего лица, на него ложится обязанность, обеспечить его непосредственное участие в процессе.

Следовательно, при злоупотреблении правом на привлечение третьих лиц возникает риск, что на суд ляжет дополнительная и не всегда оправданная нагрузка. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что злоупотребление правом на привлечение в процесс третьих лиц может осложнить деятельность суда по своевременному рассмотрению и разрешению дела [4, с. 142].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что недобросовестное поведение, выражающееся в злоупотреблении лицом права на привлечение в гражданский процесс третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, усложняет процессуальное положение как для самого третьего лица и других участников процесса, так и для самого суда.

Таким образом, можно сделать вывод, что лицо должно приобретать правовой статус третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, сугубо добровольно. Принимая во внимание, действующий в процессуальном законодательстве, принцип диспозитивности, следует отметить обоснованность правовой позиции, считающей необходимым предоставить лицу возможность, самостоятельно накладывать на себя правовой статус третьего лица, что, во-первых, позволит лицу независимо распоряжаться своими правами, а во-вторых, облегчит работу суда по рассмотрению дела.

В связи с тем, что процессуальное законодательство, не конкретизирует каких-либо особых требований для получения лицом статуса третьего лица, без самостоятельных требований относительно предмета спора, следует считать что данное лицо вправе обладать большей, чем у иных участников процесса, свободой в области вступления в рассматриваемое дело.

При вступлении в процесс третьего лица, либо при утрате своего правового статуса тем же лицом, суд должен выносить отдельное определение. Также суду необходимо установить, каким образом, вынесенное судом решение может затронуть права и законные интересы данного лица. В случае отказа суда, в привлечении третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, данное лицо должно обладать правом обжалования указанного судебного акта.

На основании вышеизложенного добровольность участия в деле третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, представляется эффективной мерой противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Список использованных источников:

1. Рехтина И.В., Боловнев М.А. Отдельные аспекты ответственности за злоупотребления процессуальными правами // *Арбитражный и гражданский процесс*. - 2014. - № 9. - С. 53.
 2. Апелляционное определение Пермского краевого суда по делу № 33-5073. Документ опубликован не был. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/4325270>.
 3. Лусегенова З.С. Современная модель гражданского процесса: от формы к содержанию. В сборнике: *Актуальные проблемы развития цивилистического процесса. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции*. - 2019. - С. 11.
 4. Воложанин, В.П. Защита субъективных прав участниками гражданского процесса [Текст] / В.П. Воложанин // *Российский юридический журнал*. – 2006. – № 1 (49). – С. 142.
-

Научное издание

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции для профессорско-
преподавательского состава

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Дата проведения:
15 июня 2021 г.

Издается в авторской редакции

Верстка и макетирование: *Беспамятнов С.В.*

Сдано в набор 19.06.2021.
Дата подписания к использованию 07.07.2021.

Издатель: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, б.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

Гарнитура « Times».
Уч.-изд. л. 6.97

Объем данных: 5.05 Мб.
Тираж 100 CD-ROM.
Заказ № 410.

Записано CD-ROM: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, б.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru